

ОМСКІЕ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

XVIII г. изд. ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ. XVIII г. изд.

---

1 іюля

№ 13.

1915 года.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно
было утвердить въ 4 день сего іюня
всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода
объ увольненіи Епископа Омскаго Арсенія,
вслѣдствіе его болѣзни, согласно прошенію,
отъ управленія Омскою епархіею и о бытіи

первому викарію Оренбургской епархіи Преосвященному Челябинскому Сильвестру Епископомъ Омскимъ и Павлодарскимъ.

Циркулярно.

**Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО,
изъ Омской Духовной Консистеріи.**

О. о. благочиннымъ Омской епархіи.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Омская Духовная Консистерія слушали: Отношеніе Управляющаго Акцизными сборами Тобольской губерніи и Акмолинской области, отъ 22-го мая 1915 г. за № 7869, слѣдующаго содержания: „Нѣкоторые изъ причтовъ сельскихъ церквей собираемыя денежныя пожертвованія въ пользу слѣпыхъ адресуютъ на имя Уполномоченнаго Попечительства о слѣпыхъ по Тобольской губерніи и Акмолинской области Николая Николаевича Апехтина. За смертью г. Апехтина, въ настоящее время Уполномоченнымъ Попечительства о слѣпыхъ по Тобольской губерніи и Акмолинской области состоятъ Статскій Совѣтникъ Илья Кузьмичъ Скрыпченко, на имя котораго и слѣдуетъ высылать пожертвованія въ пользу слѣпыхъ. Объ

этомъ имѣю честь просить Духовную Консисторію поставить въ извѣстность причты церквей Омской епархіи“. *Приказали:* О содержаніи сего дать знать о. о. благочиннымъ и причтамъ Омской епархіи для исполненія. Іюня 6 дня 1915 года.

Членъ Консисторіи священникъ С. *Дмитревскій.*

И. д. секретаря М. *Петровъ.*

И. об. столоначальника С. *Рогозинъ.*

Копія.

28 мая 1915 г. № 3142/3327. Въ Консисторію. Е. К.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Кипріану, Епископу Семипалатинскому, временно управляющему Омскою епархіею.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 26 февраля 1914 года за № 7085, о распредѣленіи по епархіямъ, по приложенной вѣдомости, суммы, назначенной въ 1915 г., согласно *Высочайше* утвержденной 5 февраля сего года Государственной

рописи доходовъ и расходовъ на 1915 г., на содержаніе духовенства. *Справка:* По *Высочайше* утвержденному 23 апрѣля 1893 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, предоставлено Св. Синоду изъ ассигнуемыхъ въ его распоряженіе суммъ на содержаніе городского и сельскаго духовенства назначить, сообразуясь съ мѣстными условіями, содержаніе причтамъ не получающимъ токового или учрежденнымъ вновь, въ слѣдующихъ размѣрахъ: 1) въ епархіяхъ, въ коихъ введены *Высочайше* утвержденные штаты 4 апрѣля 1842 года, а также въ Грузинскомъ Экзархатѣ: священникамъ отъ 100 до 600 р., діаконамъ отъ 80 до 300 р. и псаломщикамъ отъ 40 до 200 р. и 2) въ епархіяхъ Рижской, Холмско-Варшавской, Туркестанской и Финляндской въ размѣрахъ, установленныхъ изданными для сихъ епархій штатами. За среднюю же цифру содержанія для причтовъ, согласно циркулярному указу Св. Синода, отъ 9 іюня 1893 г. за № 5, приняты оклады: священнику 300 р., діакону 150 р. и псаломщику 100 р. *Приказали:* Въ предложеніи Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора изъяснено, что изъ кредита въ 2550000 р., ассигнованнаго по законамъ 22 іюня 1914 г. на увеличеніе содержанія городского и сельскаго духовенства 2400000 р., назначенные на увеличеніе содержанія существующимъ причтамъ, въ виду наступившихъ военныхъ событій, исключены, согласно закону 27 іюля 1914 г., изъ финансовой смѣты Св. Синода 1914 г. и обращены въ ресурсы казны. За симъ, по *Высочайше* утвержденной 5 февраля 1915 г. Государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1915 г. вышеозначенный кредитъ въ 2400000 р. возстановленъ въ финансовой смѣтѣ Св. синода 1915 г. и подлежитъ, согласно пунктамъ 11-мъ вышеупомянутыхъ законовъ 22 іюня 1914 г. распредѣленію по епархіямъ общими суммами распоряженіемъ Св. Синода. Въ виду сего Хозяйственнымъ

Управленіемъ произведено распредѣленіе помянутыхъ 2400000 р. между 48 епархіями и Грузинскимъ Экзархатомъ, полагая на каждую отъ 2000 р. до 80000 р. Руководясь въ этомъ распредѣленіи постановленіемъ Св. Синода, отъ 15 декабря 1911 г. за № 9796, согласно коему предположено въ ближайшіе 6 лѣтъ обезпечить средне-нормальными окладами содержанія всѣ причты, получающіе менѣе таковыхъ окладовъ, или совершенно не получающіе содержанія изъ казны, Управление совершенно не включило въ это распредѣленіе тѣ 15 епархій, въ коихъ всѣ причты уже получаютъ средне нормальные (и выше) оклады содержанія при опредѣленіи же размѣра суммъ на каждую изъ включенныхъ въ настоящее распредѣленіе епархій Управление принимало за основаніе размѣръ кредита, потребнаго на доведеніе до средне нормальныхъ окладовъ содержаніе всѣмъ причтамъ данной епархіи, учитывая при этомъ и сравнительную общую обезпеченность духовенства той или иной епархіи. Обсудивъ настоящее предложеніе, Св. Синодъ опредѣляетъ: 1) поручить Хозяйственному Управленію при Св. Синодѣ: изъ суммы 2400000 р., добавленной въ семь году, согласно *Высочайше* утвержденной 5 февраля 1915 г. Государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1915 г.—на содержаніе духовенства, отпустить въ распоряженіе Грузино-Имеретинской Синодальной Конторы, для распредѣленія по ближайшему усмотренію ея между подвѣдомственными ей епархіями, остальные 2365000 р. распредѣлить на 48 епархій, въ томъ числѣ на Омскую епархію и 2) разъяснить Преосвященнымъ сихъ епархій и Грузино-Имеретинской Св. Синода Конторѣ: а) что распредѣленіе назначаемыхъ по епархіямъ суммъ на содержаніе тѣмъ или другимъ причтамъ предоставляется Епархіальнымъ Преосвящен. по предварительномъ разсмотрѣніи дѣла на благочинническихъ и епар-

хіальныхъ сѣздахъ духовенства, на основаніи представленныхъ ими мотивированныхъ заключеній, въ коихъ относительно каждаго причта, которому сѣздъ предполагаетъ назначить содержаніе, должны быть указаны: составъ причта, количество прихожанъ, размѣръ причтоваго земельного надѣла и доходность по всѣмъ источникамъ поступленія, а также имѣются ли въ приходѣ церковно-причтовые дома. При этомъ представляется желательнымъ, чтобы изъ распредѣляемыхъ нынѣ суммъ по 14 епархіямъ (Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Донской, Бурской, Московской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Симбирской, Тамбовской, Тульской и Харьковской) было назначено постоянное съ 1915 г. содержаніе тѣмъ причтамъ, коимъ согласно опредѣленію Св. Синода, отъ 24-25 марта 1914 г. за № 2714, изъясненному въ Указахъ на имя Преосвященныхъ поименованныхъ епархій, отъ 27 марта было назначено жалованье за 1913 г. изъ остатковъ отъ ассигнованнаго въ томъ году кредита на содержаніе духовенства, а также тѣмъ причтамъ Владимірской, Вологодской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Харьковской епархій, коимъ назначено жалованье за 1914 г. согласно опредѣленію Св. Синода, отъ 14-16 марта 1915 г. за № 2095, изъясненному въ указахъ на имя Преосвященныхъ сихъ епархій отъ 18 марта; б) что при назначеніи или увеличеніи содержанія причтамъ слѣдуетъ придерживаться установленныхъ Св. Синодомъ средне-нормальныхъ окладовъ содержанія, допуская отступленія отъ нихъ въ сторону увеличенія лишь въ случаяхъ крайней скудости мѣстныхъ средствъ обезпеченія причтовъ, при сужденіи о чемъ личныя и случайныя обстоятельства священно-церковно-служителей, напимѣрь: многосемейность, болѣзнь, пожаръ, неурожай, не должны быть принимаемы во вниманіе, такъ

какъ при такого рода обстоятельствахъ могутъ быть назначены единовременныя пособія; в) что причтамъ, коимъ будетъ назначено или увеличено содержаніе, таковое подлежитъ выдачѣ съ 1 января текущаго года за весь годъ, но съ тѣмъ, чтобы оно производилось по расчету времени дѣйствительной службы членовъ причта въ тѣхъ приходяхъ, на которые содержаніе назначено; г) что, на основаніи п. III законовъ 22 іюня 1914 г., могушіе образоваться остатки отъ не комплекта въ причтахъ какъ существующихъ, такъ и новоотрываемыхъ, которымъ назначено или увеличено содержаніе съ текущаго 1915 г. изъ суммъ 2400000 р., ассигнованный означенными законами на увеличение содержанія духовенства точно такъ же, какъ и остатки отъ суммъ 500000 р. 580000 р. 600000 р. и 600000 р., ассигнованныхъ на ту же надобность по законамъ 10 іюня 1909 г. 10 іюня 1910 г. 8 марта 1911 г. 26 іюня 1912 г. и 4 іюля 1913 г. обращаются въ ресурсы Государственнаго Казначейства; за исполненіемъ сего пункта Консисторіямъ надлежитъ имѣть особо тщательное наблюденіе, отнюдь не смѣшивая остатковъ отъ вышеупомянутыхъ суммъ съ остатками отъ болѣе раннихъ, до 1909 г., ассигнованій на содержаніе духовенства, каковыя остатки, по истеченіи года, должны, по прежнему порядку, перечисляться въ спеціальныя средства Св. Синода и д) что вѣдомости о причтахъ, которымъ будетъ назначено или увеличено содержаніе изъ вновь ассигнуемой суммы, должны быть незамедлительно представлены Духовными Консисторіями въ Хозяйственное Управление при Св. Синодѣ,

для надлежащаго по сему опредѣленію исполненія передать выписку изъ онаго въ Хозяйственное Управление, а Грузино-Имеретинской Св. Синода Конторѣ и Преосвященнымъ 48 епархій послать печатные указы съ обозначеніемъ въ нихъ количества назначаемой на епархію суммы. Мая 21 дня 1915 г.

Подлинный за надлежащими подписями.

Съ подлиннымъ вѣрно:

И. д. секретаря Омск. Дух. Кон. *М. Петровъ.*

Съ подлиннымъ свѣрять:

И. об. столоначальника *С. Роюзинъ.*

Епархіальныя извѣстія.

Отчисленъ отъ мѣста священника ц. с. Камышенскаго, Змѣиногорскаго уѣзда, Николай Рыбинъ съ 23 мая с. г. за переходомъ на службу въ Воронежскую епархію.

Священникъ нештатнаго прихода пос. Явлено-Покровскаго, Омскаго уѣзда, Аркадій Воронцовъ уволенъ по прошенію за штатъ 30 мая с. г.

Утверждены въ должности слѣдователя: 1) священникъ ц. с. Троицкаго, Байнскаго уѣзда, Іоаннъ Широкихъ 5 іюня с. г. 2) священникъ ц. с. Ново-Барасукскаго, Тюкалинскаго уѣзда, Георгій Ставровъ 11 іюня с. г.

Утверждены въ должностяхъ членовъ благочинническаго Совѣта священники: ц. с. Благодаровскаго, Омскаго уѣзда, Александръ Штенниковъ и ц. с. Божедаровскаго, того же у., Филиппъ Григорьевъ.

Окончившій курсъ Тобольской Дух. Семинаріи Николай Мясоѣдовъ назначенъ на мѣсто псаломщика къ ц. с. Корневскаго, Тарскаго у., 27 мая с. г.

И. д. псаломщика ц. с. Дмитріевскаго, Бокчетавскаго уѣзда, Павелъ Смирновъ посвященъ 31 мая въ стихарь.

Діаконъ ц. с. Явленскаго, Петропавловскаго уѣзда, Ѳеодоръ Ермолинъ рукоположенъ 7 іюня с. г. во священника въ пос. Спасскій, Петропавловскаго уѣзда, на не штатное мѣсто.

Штатный діаконъ ц. с. Нагибинскаго, Тюкалинскаго уѣзда, Владиміръ Чернышевъ переведенъ на штатное мѣсто діакона къ ц. с. Явленскаго, Петропавловскаго уѣзда, 15 Іюня с. г.

Священникъ ц. с. Сидоровскаго, Тюкалинскаго уѣзда, Николай Лебедевъ награжденъ набедренникомъ 8 іюня с. г.

Псаломщикъ пос. Шмитовскаго, Устькаменогорскаго уѣзда, Павелъ Розановъ отчисленъ отъ мѣста 11 іюня с. г.

Заштатный діаконъ Тобольской епархіи Михаилъ Мостовскихъ назначенъ на штатное мѣсто діакона къ ц. с. Ларихинскаго, Ишимскаго уѣзда, 15 іюня с. г.

Священникъ ц. с. Шадрухинскаго, Змѣиногорскаго уѣзда, Андрей Сидоровъ переведенъ къ ц. с. Камышенскаго, того же уѣзда, 15 іюня с. г.

Псаломщикъ ц. с. Авлинскаго, Тюкалинскаго уѣзда, Артемій Лазаренко уволенъ, согласно прошенію, отъ должности 16 іюня с. г.

Утверждены въ должностяхъ церковныхъ старостъ: 1) потомственный дворянинъ Прохоръ Сорокинъ къ ц. с. Сѣнновскаго, Змѣиногорскаго уѣзда, 2) кр-нъ Стефанъ Истоминъ къ ц. с. Тополинскаго, Змѣиногорскаго уѣзда, 3) кр-нъ Мина Василенко къ ц. с. Ново-Шульбинскаго, Змѣиногорскаго уѣзда, 4) кр-нъ Алексѣй Шелудешевъ къ ц. с. Жерновскаго Змѣиногорскаго уѣзда, 5) кр-нъ Іоакимъ Паранинъ къ ц. с. Воскресенскаго, Тюкалинскаго уѣзда, 6) кр-нъ Иванъ Макаровъ къ молитвен. дому пос. Екатеринославскаго, Омскаго уѣзда, 7) казакъ Романъ Буторинъ къ ц. пос. Полуденскаго, Петропавловскаго уѣзда, 8) кр-нъ Андрей Михайловъ къ ц. с. Крутолученскаго, Тюкалинскаго уѣзда, 9) кр-нъ Іоаннъ Лисенко къ ц. с. Воскресенскаго, Тюкалинскаго уѣзда, 10) кр-нъ Даміанъ Таричко къ ц. с.

Царскіе-Колодцы, Тюкалинскаго уѣзда, 11) кр-нѣ Михаилъ Ладыгинъ къ ц. с. Юрьевского, Тюкалинскаго уѣзда, 12) кр-нѣ Андрей Дѣдѣловъ къ ц. с. Куликовскаго, Тюкалинскаго уѣзда.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Священническія.

Акмолинскаго уѣзда Въ пос. Сѣнокосномъ.
Тарскаго уѣзда При ц. с. Верхне-Баклянскаго.
Жокчетавскаго уѣзда Въ пос. Привольномъ.
Семипалатинскаго у. При ц. с. Шадрухинскаго.

Д і а к о н с к і я .

Ишимскаго уѣзда При ц. сл. Красноярской.
Тюкалинскаго уѣзд. При ц. с. Нагибинскаго.

Педагогическія.

Акмолинскаго уѣзда. Въ пос. Прирѣчномъ.
" " " Въ пос. Сѣнокосномъ.
Тарскаго уѣзда При ц. с. Верхне-Баклянскаго.
Омскаго уѣзда Въ пос. Бѣлоусовскомъ.
Зайсанскаго уѣзда Въ пос. Ивановскомъ.
Петропавловскаго уѣзд. При ц. с. Феодоровскаго.
Жокчетавскаго уѣзда Въ пос. Мищенковскомъ.
" " " Въ пос. Малиновскомъ.
" " " Въ пос. Луганскомъ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ

1 іюля

№ 13.

1915 г.

Уроки отечественной войны 1914—15 г. *)

II

Война и штундо баптизмъ.

За послѣдніе годы въ русскомъ народѣ и обществѣ укоренилось по отношенію къ нѣмцамъ, съ коими мы теперь ведемъ борьбу, добродушно-довѣрчивое отношеніе. Россія не воевала съ Германіей болѣе 100 лѣтъ и такой продолжительный миръ многимъ казался вѣчнымъ миромъ, почему со стороны Германіи многіе изъ насъ не думали видѣть вражды, недоброжелательства и скрытныхъ злобныхъ намѣреній. Отчасти этому способствовала Японская война, когда Германія, стоя въ тылу у насъ, не сдѣлала, однако, внезапнаго нападенія и не потребовала отъ насъ никакихъ земельныхъ уступокъ за свое невмѣшательство.

Наступившія событія, столь внезапныя и неожиданныя, разъяснили намъ все. Вѣрившіе въ Германское миролюбіе и благожелательность жестоко ошиблись. Ярко обрисовалось, что никакой благожелательности Германія къ намъ никогда и не имѣла. Взглядъ ея на Россію и русскій народъ всегда былъ враждебно-презрительнымъ и ничего другого она въ насъ не хотѣла видѣть и не видѣла, кромѣ грубаго матеріала для порабощенія и властвованія. «Не великодушіе заставляло Вильгельма въ 1905 году беречь миръ съ Россіей, пишетъ М. О. Меньшиковъ, иначе онъ берегъ бы его въ 1914 году, а просто тогдашняя неготовность Германіи воевать, особенно съ Англіей. Въ расчетѣ, что Россія послѣ несчастной войны изнеможетъ отъ внутренней смуты, — кто знаетъ! — можетъ быть субсидированной отчасти тѣми же Нѣмцами, — германскій кайзеръ спѣшилъ изъ всѣхъ силъ, чтобы отстроить военный флотъ, способный защитить нѣмецкій тылъ отъ Англіи, и использовать отсутствіе нашего флота въ Балтикѣ. Кинжалъ надъ раненой Россіей, однако, былъ уже занесенъ тогда. Десять лѣтъ — въ исторіи десять мгновеній не болѣе.

*) См. №№ 10, 11 и 12 «Омск. Еп. Вѣд.» 1915 г.

Именно страхъ, что раненая Россія станетъ на ноги, и заставилъ кайзера нанести ей ударъ теперь же. Германскій шпіонажъ, проникающій въ Россію до центральныхъ ея глубинъ, давалъ свѣдѣнія, что наша военная неготовность происходитъ, что еще какой-нибудь годъ или два, и мы имѣли бы на каждое преимущество германской арміи свое, равносильное. Могучій организмъ Россіи видимо выздоравливалъ отъ ранъ, и вотъ тутъ-то «прилично одѣтая» сосѣдка и вонзила въ Россію свой штыкъ-кинжалъ». Германія, продолжаетъ г. Меньшиковъ, со временъ Петра Великаго, сколько могла, высасывала наши соки народные, кормилась около великаго народа-труженика, не разъ видѣла отъ него военную героическую защиту, имѣла у насъ кровь и хлѣбъ и всяческій почетъ, — а чуть представился случай погубить Россію, — сейчасъ же ухватилась за него. Кромѣ собственной неготовности воевать съ двойственнымъ (тогда) союзомъ, Вильгельма удерживала невозможность тогда натравить на насъ ни Японію, слишкомъ уставшую отъ войны, ни Турцію. Какъ истинный Нѣмецъ — тяжело-думъ, онъ прикапливалъ противъ Россіи всѣ враждебныя силы*)." Накопляя враждебныя силы вокругъ Россіи, стараясь вооружить противъ нея сосѣдніе народы, нѣмцы, въ тоже время, хитро и остроумно, по строго обдуманному плану, работали во славу Фатерланда и внутри нашей родины. Они прекрасно знали какая это огромная и непреодолимая сила-стомилліонная Русь православная, объединенная одной вѣрой, однимъ настроеніемъ, одними чувствами и убѣжденіями. Борьба съ этой силой, при ея племенной и религіозной однородности, казалась невозможной. И нѣмцы, всетаки, задумавъ подчинить эту силу своему вліянію, давно начали осуществлять программу постепеннаго расчлененія нашего народа на враждебныя части, другъ друга не понимающія, другъ другу далекія. Усердно, съ огромнымъ рвеніемъ нѣмцы за послѣдніе годы стараются сѣять среди русскаго народа всякаго рода сектантство. Расчетъ ихъ былъ очевиденъ. Подорвать корни народнаго дѣха, сокрушить величайшую силу нашего народа, давшую ему объединеніе, нравственное просвѣщеніе и самое бытіе,

* М. О. Меньшиковъ «Должны побѣдить». Новое Время, № 13993.

поселить смуту въ душахъ, возстановить брата на брата, заставить часть русскаго народа ненавидѣть свое родное и обожать все нѣмецкое—это былъ, поистинѣ, дьявольскій планъ и на его осуществленіе нѣмцы, какъ оказалось, не жалѣли, никакихъ средствъ. Впереди своихъ армій они послали въ Россію массу своихъ единовѣрцевъ и агентовъ, которые должны были подготовить почву для вторженія вооруженной силы. Единовѣрцы и агенты (сектанты) работали не за страхъ, а за совѣсть: походъ на православіе, какъ основную силу русскаго духа, за послѣдніе годы былъ ожесточенный, повсюдный и открытый. Ободряемые и вдохновляемые самимъ кайзеромъ, всякаго рода Фетлеры и Вольдгрубе (главари баптизма и адвентизма), опираясь на іудь-предателей изъ русскихъ, на сочувствовавшую имъ, какъ водится, интеллигенцію, на либеральные законы о свободѣ совѣсти, смѣло и нагло, по всему лицу нашей родины, порицали вѣру православную, глумились надъ нею и издѣвались, клеветали на нее и лгали, строили всюду на нѣмецкіе деньги молитвенные дома, издавали брошюры и листки, нанимали проповѣдниковъ, короче говоря, расчленили нашу родину духовно, сѣяли клевету, злобу и отравляли ядомъ ненависти къ родинѣ матери ея сыновъ. Безиристрастныхъ зрителей этого дѣла не могло не изумлять то обстоятельство, что напряженная дѣятельность проповѣдниковъ баптизма и другихъ сектъ направлялась въ православной Россіи не на ея языческія народности, не на іудейство, также, и магометанство, доселѣ не вѣдающихъ евангелія Христова, а исключительно на православныхъ христіанъ, на тотъ народъ богоносный, на ту святую Русь, которая сама является христіаннѣйшей страной въ мірѣ, передъ чьей христіанской настроенностью, какъ мы видѣли и знаемъ, благоговѣютъ иностранцы и которая дала міру величайшихъ святыхъ и подвижниковъ. Чего бы, казалось, нѣмцамъ не направить также своей пропаганды во Францію, Бельгію, Испанію, Австрію, въ Китай или Японію? Чего бы имъ туда не высылать и деньги, и проповѣдниковъ, и литературу, зачѣмъ они все это непременно направляютъ только въ Россію? Неужели народъ нашъ, столѣтія исповѣдующій христіанство, не знаетъ евангелія и ученій апостоль-

скихъ? Неужели онъ не постигъ дѣла и сущности христіанства? Создавши высокую религіозную культуру, имѣя выработанныя богословскія научныя системы, самъ обратившій ко Христу миллионы язычниковъ, неужели онъ нуждается въ наученіи евангельскимъ истинамъ отъ учениковъ Лютера, отъ посланцевъ Вильгельма, отъ тѣхъ еретиковъ, которые урѣзали евангеліе Сына Божія, отринули Христомъ дарованныя таинства, убоялись самого Креста Господня? Что новаго несли они на Русь? Несли гордыню протестантства, отринувшаго подвигъ и живое дѣло въ спасеніи, несли старую, давно затасканную ересь иконоборчества, разсмотрѣнную и обезцѣненную еще въ VIII вѣкѣ, несли узкое и жалкое, чисто нѣмецкое, идолопоклонство передъ разумомъ (раціонализмъ), фанатическое буквоѣдство, фарисейское святошество безъ подвига и труда, холодъ и мракъ Лютерова ученія, которое само, не успѣвъ возникнуть, разбилося на сотни сектъ и если сумѣло что создать, такъ это тотъ типъ гордыхъ тевтоновъ, которые теперь заливаютъ кровью весь міръ. Затѣя странная, поистинѣ, безсмысленная и невѣроятно-дерзкая. И она становится понятной намъ вполнѣ лишь при свѣтѣ тѣхъ событій, кои теперь совершаются, ибо затѣя эта была отнюдь не религіознаго и христіанскаго духа, а была она грубѣйшимъ политическимъ маневромъ, однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ духовнаго ослабленія Россіи путемъ подрыва основной силы ея исторіи, силы православія.

Что дало Россіи православіе? А дало оно ей все: объединеніе, просвѣщеніе, государственное и національное бытіе. Вотъ теперь мы радуемся и не можемъ нарадоваться почти необъятному величію нашей родины. Но не нужно забывать, что въ предѣлахъ царства Русскаго, до просвѣщенія его христіанствомъ, обитали различныя племена славянскія, раздѣленные, даже, враждебныя между собою. О всѣхъ ихъ кратко, но выразительно замѣчаетъ древній русскій лѣтописецъ: «живяху, якоже всякій звѣрь»... Православная вѣра дала имъ человѣчскій образъ существованія, уничтожила звѣринныя нравы, слила воедино враждебные роды и племена и образовала изъ нихъ одинъ многочисленный, сильный и единомысленный народъ русскій. Она указала этому молодому народу

величайшую историческую мировую задачу — нести свѣтъ христіанства и блага культуры дикимъ племенамъ сѣвера, и востока, и юга Европы, а потомъ и народамъ неизмѣримой Сибири и Азіи. Плодомъ этой высокой духовной работы было то, что многія племена, дикіе и варварскія, чуждыя намъ по крови, силою православія сдѣлались братьями нашими по вѣрѣ, слились во единый народъ, сроднились съ нами и образовали единое и могучее царство.

Когда затѣмъ, сложившись въ извѣстный племенной союзъ, но недостаточно окрѣпнувъ государственно, русскій народъ въ годину удѣльныхъ усобицъ изнемогалъ и близокъ даже казался конецъ его, одна вѣра православная, при множествѣ князей, при разнообразіи интересовъ отдѣльныхъ княжествъ, одна власть церковная была ангеломъ-хранителемъ единства русскаго народа, поддерживала въ немъ сознание родства по духу и плоти, и вызвала у лѣтописца нашего другое глубокое замѣчаніе о славянахъ: «всѣ сіи племена родъ единъ христіанскій».

Распадался потомъ народъ русскій на части, стоналъ подъ властью поработителей: Русь западная, казалась, навсегда была въ насильственномъ соединеніи съ царствомъ католическимъ, которое не безъ успѣха стремилось къ тому, чтобы подавить самую народность русскую. Но въ теченіе столькихъ вѣковъ, послѣ столькихъ переворотовъ, посреди враговъ отъ востока и запада, и сѣвера и юга, православіе соблюло и сохранило нашу народность для великаго будущаго. Оно послужило живою и крѣпкою связью насильственно-разъединенныхъ частей русскаго царства и неудержимо влекло ихъ другъ къ другу: оно освятило и укрѣпило любовь къ общему отечеству въ любви къ вѣрѣ и Церкви Православной.

Православію мы обязаны и тѣмъ, что не знали внутренняго раздѣленія, не знали губительной вражды власти духовной и свѣтской, столь присущей католическимъ странамъ, — а будь у насъ эта внутренняя вражда, не устоять бы царству нашему среди ударовъ отъ враговъ внѣшнихъ, среди ужасныхъ историческихъ испытаній.

Являясь силой могучей и дѣйственной, православіе воодушевляло всегда и всѣхъ нашихъ національныхъ героевъ,

Оно воодушевляло Невскихъ и Донскихъ, воздвигало и укрѣпляло Аврааміевъ и Гермогеновъ, вдохновляло князей Пожарскихъ и Сусаниныхъ,—и тысячи героевъ, безмолвно положившихъ души и polegшихъ костями за родимую землю. И поле Куликово, и поле Бородинское прежде и послѣ кликовъ воинскихъ слышало звуки церковныхъ молитвъ, воодушевлявшихъ воиновъ. А въ переживаемые нами дни, что, какъ не православіе, съ его молитвами о царѣ и воинствѣ, можетъ вдохнуть въ народъ нашъ такой высокій патріотизмъ? А что нашимъ героямъ-воинамъ на полѣ брани, служить источникомъ воодушевленія, что утѣшаетъ ихъ въ трудахъ и подвигахъ, что обѣщаетъ имъ награду на небѣ за смерть и мученія, что какъ не вѣра православная?

Мы не можемъ, далѣе, обойти молчаніемъ вопроса о томъ, что служить условіемъ внутренней твердости царства Русскаго. Гдѣ основа ея? Православная вѣра изначала дала народу нашему Слово Божіе на родномъ его языкѣ: а Слово Божіе научило насъ повиноваться царю и власти не по страху, а по совѣсти; оно освятило законы государственные, вдохновило ихъ евангельскимъ духомъ христіанской любви и милосердія, возвѣстило о святости и непреложности взаимныхъ правъ и обязанностей; вѣра православная научила любить согражданъ, любить и самихъ враговъ и далеко по всему міру сдѣлала славнымъ имя народа русскаго, какъ народа незлобиваго и кроткаго, мягкаго, необыкновенно благороднаго и великодушнаго къ покореннымъ и присоединеннымъ народностямъ.

Совсѣмъ недавно въ Англійскомъ «Обществѣ друзей Россіи», въ Лондонѣ, членъ его англичанинъ О'Коннеръ, сравнивая русскую культуру съ культурой Германіи, подъ восторженные аплодисменты огромной аудиторіи, въ коей находились англійскіе министры, лорды и депутаты палаты общинъ, политическіе дѣятели всѣхъ партій, многіе писатели и руководители англійской промышленности и торговли, заявилъ:

«Русская культура безконечно выше культуры германской, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ не только научную

и умственную культуру, но и культуру чистаго христіанскаго идеализма. Русская культура—культура сердца и души!» *)

Насъ весьма радуеть это авторитетное и совершенно постороннее признаніе высокихъ свойствъ русской христіанской культуры со стороны просвѣщенныхъ англичанъ: это вѣдь ярко подтверждаетъ наши вышеизложенныя положенія. Да, всему міру вѣдомы истинно прекрасныя свойства народа нашего: простора, прямодушіе, правдолюбіе и отсутствіе гордыни, терпѣливость безъ забитости, смиреніе безъ униженности; мы любуемся многими и трогательными его обычаями, мы видимъ въ немъ умѣнье жертвовать собою во имя долга, прощать и забывать обиды; видимъ его милосердіе къ преступникамъ, мягкость къ врагамъ, его щедрую благотворительность, радушное гостепріимство къ знаемымъ и незнаемымъ, его сердечное сочувствіе къ горю отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ.

Теперь мы спросимъ: откуда же все это у народа нашего? Гдѣ онъ получилъ воспитаніе, прекрасныя свойства души народной, при нашей скудости матеріальной, при обширности нашей земли, при отсутствіи школъ и просвѣтительныхъ учреждений? Кто это такъ воспиталъ народъ нашъ? Кто?—Отвѣтъ ясенъ. Отъ Ледовитаго моря до Чернаго, отъ Балтики до океана Великаго, отъ острововъ Соловецкихъ до Сахалина, отъ Колы и Архангельска до Ташкента и Самарканда, при всей народной скудости, на громадномъ протяженіи, безъ путей сообщенія, посреди дремучихъ лѣсовъ и топкихъ болотъ, при рѣдкомъ населеніи, несмотря на тяжкія историческія испытанія, требовавшія напряженія всѣхъ силъ народныхъ, Церковь Православная насадила храмы Божіи: въ нихъ то и воспитался народъ нашъ, въ нихъ то онъ и учился прекраснымъ нравственнымъ свойствамъ; книги церковныя до самого послѣдняго времени были его любимымъ и единственнымъ чтеніемъ.

Не одними героями брани и государственнаго строенія силенъ и славенъ народъ нашъ! Нѣтъ, онъ просіялъ великими праведниками,—этого никто отрицать не смѣетъ; онъ приумножилъ данные ему таланты вѣры, онъ пронесъ слово

*) «Новое Время», № 13996.

благовѣстія евангельскаго, а съ нимъ и блага порядка христіански-государственнаго до послѣднихъ предѣловъ земли, куда неступала нога образованнаго человѣка. Наши святые: Антоній и Ѳеодосій Печерскіе, Сергій Родонежскій, Петръ, Алексій, Иона и Филиппъ Московскіе, наши Сергій и Германъ Валаамскіе, Зосима и Савватій Соловецкіе, Стефанъ, просвѣтитель Пермскій, Трифонъ Печенгскій, Ѳеодоритъ Кольскій — просвѣтители лопарей и самоѣдовъ, Трифонъ Вятскій, Герасимъ Вологодскій, Вассіанъ Олонецкій, Кириллъ Челмогорскій и до послѣднихъ временъ святые Макарій, Иннокентій, Митрофанъ, Тихонъ, Ѳеодосій, Серафимъ, наши многіе, еще не объявленные святыми старцы, подвижники, духовники народные: Филаретъ Кіевскій, Парфеній, Илларионъ, Макарій, Амвросій, Ѳеофанъ и другіе, изъ которыхъ многіе только недавно почили, а многіе и живы — все это плодъ православія, все это герои нравственные, и ихъ у насъ цѣлое небо духовное, цѣлый сонмъ живыхъ носителей христіанскаго идеала, которые и доселѣ служатъ примѣромъ для подражанія.

Мы любимъ языкъ нашъ сильный, благозвучный, прекрасный, богатый и разнообразный. Въ немъ отразилось духовное богатство наше, сказалась духовная красота нашего племени. „Народъ, имѣющій такой языкъ — великій народъ“ — говоритъ одинъ изъ выдающихся нашихъ писателей. Теперь на этомъ языкѣ написаны такіа произведенія, которыя, вышедши за предѣлы Руси, пріобрѣли почетную извѣстность среди всѣхъ образованныхъ народовъ.

Священ. *Ил. Фокинъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тоска по обряду.

(Къ характеристикѣ сектанскаго движенія).

19 марта текущаго года въ московской газетѣ „Русское слово“ помѣщена въ высшей степени интересная и содержательная статейка Мамонтова: „Въ завсѣванномъ городѣ“. Въ ней авторъ талантливой рукою набросалъ свои впечатлѣнія при осмотрѣ вновь завоеваннаго русскими войсками австрійскаго города Станиславова.

Эти впечатлѣнія, помимо историческаго, политическаго и общественнаго значенія, имѣютъ въ нѣкоторой своей части чисто религіозный характеръ, такъ какъ вскрываютъ предъ нашими глазами закулисныя стороны католической пропаганды въ завоеванномъ нами краѣ. Въ виду этого отмѣченный нами фельетонъ долженъ заинтересовать насъ не только со стороны своего содержания, но, главнымъ образомъ, и со стороны тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ Мамонтовъ послѣ болѣе или менѣе обстоятельнаго знакомства съ расадникомъ галичскаго пастырства.

А выводы чрезвычайно любопытны и многозначительны! И такъ какъ они послужатъ для насъ той исходной точкой, отъ которой мы отправимся въ глубь дальнѣйшихъ разсужденій по вопросу объ отношеніи современныхъ сектантовъ къ обряду, то постараемся интересующія насъ строки отмѣченнаго фельетона привести здѣсь полностью.

„Въ центрѣ Станиславова, пишетъ Мамонтовъ,*) стоитъ большой и старинный униатскій храмъ, по конструкціи похожій на костелъ. Въ немъ, когда я вошелъ, шла обѣдня.

Возгласы бритаго священника такіе же, какъ наши, пѣніе то же, только самые напѣвы чужды русскому уху.

Русскій глазъ особенно поражаютъ — рядъ открытыхъ римско-католическихъ алтарей въ боковыхъ придѣлахъ, скамьи для сидѣнія молящихся, отсутствіе клиросовъ и шкапы-исповѣдальни у боковыхъ колоннъ.

Зато новая живопись на стѣнахъ храма исполнена подъ несомнѣннымъ влияніемъ В. М. Васнецова; это довольно грамотный пересказъ „своими словами“ фресокъ Владимірскаго собора въ Кіевѣ. Правда, въ строгія образы святыхъ князей Владиμίра, Бориса и Глѣба и княгини Ольги вложено много непривычной слащавости, но отраднo уже то, что художникъ, ихъ писавшій черпаетъ вдохновеніе отъ православнаго Востока, а не отъ латинскаго Запада, къ которому здѣсь всеми правдами и неправдами толкали народъ въ религіозномъ отношеніи.

Народъ стойко прудерживался дѣдовскихъ православныхъ заповѣтъ; не входя въ догматическія тонкости, онъ боролся за родную внѣшность своихъ церквей

---

*) № 64, стр. 3.

и во многом отстоялъ ее также, какъ свои національныя художественно расшитыя одежды.

Какъ тонко и умно велось черезъ узію окатоличиваніе Червонной Руси, — я убѣдился, познакомившись съ однимъ изъ преподавателей здѣшней уніатской семинаріи, священникомъ о. Николаемъ, который любезно показаль мнѣ свою *alma mater*.

На одной изъ красивѣйшихъ улицъ Ставиславова, и въ просторномъ четырехъ-этажномъ корпусѣ, помѣщается эта семинарія. По нашимъ понятіямъ, даже не семинарія, а скорѣе духовная академія, такъ какъ въ нее поступаютъ молодые люди, уже окончившіе среднія учебныя заведенія.

Въ длинномъ, холодномъ и пустомъ корридорѣ (воспитанники распущены по причинѣ войны) я постучался и вошелъ въ комнату священника. Обстановка самая скромная, молитвенный аналой католическаго образца, много книгъ.

Самъ о. Николай по наружности и одеждѣ почти не отличается отъ есендза: такое же чисто выбритое лицо, такіе же преувеличенно вѣжливыя манеры. Онъ хорошимъ русскимъ языкомъ много говоритъ мнѣ о догматическихъ различіяхъ нашего православія отъ уніатства, часто ссылается на Владимира Соловьева и старается доказать, что разницы почти нѣтъ. Очень боится что наше правительство будетъ давить на его прихожанъ въ смыслѣ перехода въ православіе и тѣмъ побудить ихъ предпочесть латинство.

О. Николай ведетъ меня по зданію семинаріи, показываетъ разсадникъ уніатскаго священства. Для каждаго двухъ студентовъ имѣется небольшая, но комфортабельно меблированная комната, въ которой они живутъ на правахъ пансіонеровъ.

Въ зданіи имѣются двѣ домовыя церкви, — справедливѣе сказать, капеллы, такъ какъ въ нихъ нѣтъ почти ничего, напоминающаго обстановку православнаго храма.

Иконостасовъ нѣтъ и въ поминѣ; престолы католическаго образца, съ высокими свѣчами, статуями и цвѣтами: въ самомъ храмѣ ряды скамей для молящихся, напоминающія ученическія парты..

Мнѣ становится ясно, что для народа здѣшнимъ духовенствомъ въ церквахъ еще поддерживаются для вида декораціи православнаго чина. Здѣсь же, въ самомъ гнѣздѣ пастырей, ку-

да не проникаютъ взоры приверженныхъ исконной вѣрѣ простолюдиновъ, они не считаютъ нужнымъ маскировать свою приверженность къ латинскимъ обрядамъ.

Приходится удивляться, какъ глубоко пустила корни въра отцовъ въ сердцахъ червонно-русскаго народа, если онъ простой и темный, въ вѣковой борьбѣ съ изоощренными пропандистами католицизма сумѣлъ отстоять хотя бы внешний обликъ своихъ церквей.

Цѣлыя поколѣнія широко образованныхъ приверженцевъ римскаго престола, крадучись шагъ за шагомъ по мелочамъ приучали нашихъ братьевъ по вѣрѣ къ латинской обрядности, и все-таки не успѣли достигнуть окончательныхъ результатовъ.

Нахлынула война російскаго моря и покрыла собой изсякающій ручей своихъ галицкихъ братьевъ“.

Только что цитированную статью принесъ намъ одинъ мѣстный священникъ о. Николай Збаращенко, живо интересующійся сектантскимъ движеніемъ и временами пописывающій въ миссіонерскихъ журналахъ; подавая № газеты, онъ сказалъ:

— Вотъ почитайте-ка, о. Александръ, что тутъ люди добрые написали. Преинтересно! Нарочно приберегъ этотъ номерокъ для васъ. Я зналъ, что вы любитель такихъ замѣтокъ и статейекъ.

Я бѣгло прочиталъ отмѣченную синимъ карандашемъ статью и попросилъ о. Николая оставить принесенный имъ № у себя.

— Пожалуйста, пожалуйста, заговорилъ онъ. Я такъ и думалъ: мнѣ она не нужна. Понесу-ка къ о. Александру, можетъ быть, онъ чтонибудь и выудитъ изъ нея.

И точно угадалъ.

Затѣмъ завязалась непродолжительная бесѣда, во время которой о. Николай затронулъ одинъ въ высшей степени интересный и, можно сказать, важный вопросъ

— Знаете, говорилъ онъ, на что въ этой статейкѣ я обратилъ особенное вниманіе? Вотъ на эти строки:

„Народъ стойко придерживался дѣдовскихъ православныхъ завѣтовъ. Не входя въ догматическія тонкости, онъ боролся за родную внѣшность своихъ церквей и во многомъ отстоялъ ее..“

И затѣмъ — на исключительныя слова:

„Приходится удивляться, какъ глубоко пустила корни вѣратцовъ въ сердцахъ червонно-русскаго народа, если онъ, простой и темный, въ вѣковой борьбѣ съ изощренными пропагандистами католицизма съумѣлъ отстоять хотя бы внѣшній обликъ своихъ церквей.

„Цѣлыя поколѣнія широко образованныхъ приверженцевъ римскаго престола, крадучись шагъ за шагомъ, по мелочамъ приучали нашихъ братьевъ по вѣрѣ къ латинской обрядности и все-таки не успѣли достигнуть окончательныхъ результатовъ“.

— Вотъ эти строки, говорилъ о. Николай, прямо-таки застѣли мнѣ въ голову и не даютъ мнѣ покоя, какъ говорится, ни днемъ ни ночью. Какъ-же это такъ, думалъ я, червонно-русскій народъ всѣми силами боролся за родную внѣшность своихъ церквей, за православныя дѣдовскіе завѣты и отстоялъ ихъ, не смотря на энергичную дѣятельность широко образованныхъ приверженцевъ римскаго престола, которые приучали нашихъ братьевъ къ латинскому обряду. А нашъ православный русскій народъ что же? Не сможетъ сравняться съ ними въ вѣрности завѣтамъ старины, въ твердости вѣры, въ приверженности къ предметамъ церковно-богослужебнаго культа? Червонно-русскій народъ цѣлыми вѣками боролся съ пропагандой католицизма и ни шади не уступилъ изъ области своей вѣры, своего культа, своихъ дѣдовскихъ завѣтовъ. А нашъ православный русскій народъ? И бороться не хочетъ? Легко поддается всякому влиянію, плыветъ по первому теченію, охотно порываетъ со старымъ, скоро забываетъ свою вѣру и не только не скорбитъ по поводу утраты православія, но еще глумится надъ нимъ, критикуетъ его, принижаетъ на счетъ сектантства. Возьмите, на примѣръ, наши обряды. Вѣдь они вѣками существуютъ. Казалось, что съ ними такъ всѣ сжались, такъ привязались къ нимъ, такъ можно сказать, сроднились съ ними, что никто безъ боли и не разстанется съ ними и не позабудетъ объ нихъ. Однако что мы видимъ? Пришли сектанты, сказали нашимъ, что Богу надо молиться духомъ и истиною, что обряды и излишни, и вредны, и не заповѣданы Христомъ — и сразу многіе отшатнулись отъ нихъ, позабыли объ нихъ и стали даже смѣяться и глумиться надъ ними. Скажите, чѣмъ это объяснить?

Неужели червонно-русскій народъ крѣпче въ вѣрѣ, больше религіозенъ, сильнѣе привязался къ обряду, чѣмъ нашъ русскій народъ?

Вопросъ этотъ сильно заинтересовалъ меня. Между нами завязались оживленныя пренія. Но такъ какъ о. Николай стоялъ на противоположной точкѣ зрѣнія, и никто изъ насъ не хотѣлъ сойти съ занимаемой позиціи, то, какъ это часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, мы ни до чего и недоговорились.

Тѣмъ не менѣе настоящей вопросъ, и по уходѣ о. Николая, долгое время насъ интересовалъ. И вотъ на дняхъ совершенно случайно мы натолкнулись на третье рѣшеніе, которое въ одинаковой степени удовлетворяло и о. Николая и насъ.

Оказывается, что русскіе люди, переходящіе въ сектанство, отказывающіеся ото всякихъ обрядовъ христіанской религіи и нерѣдко критикующіе ихъ, — на самомъ дѣлѣ никогда совсѣмъ не могутъ отрѣшиться отъ нихъ и позабыть объ нихъ. Они *тоскуютъ* по обряду. Обрядъ для нихъ кажется необходимымъ. Они безъ него не могутъ жить, не могутъ совершенствоваться, не могутъ вѣрить, не могутъ спастись. Въ тайникахъ души и своего ума они признаютъ огромное значеніе за обрядомъ и оправдываютъ его со всѣхъ точекъ зрѣнія. Но вотъ бѣда — нѣтъ рѣшимости признать свою ошибку. Нѣтъ силъ вслухъ всѣхъ заявить о своемъ заблужденіи. Только прямые, честные, сильные натуры могутъ покаяться и чистосердечно признаться въ своихъ дѣлахъ и помышленіяхъ.

Говоримъ такъ не по предположенію, не отъ себя, а со словъ самихъ сектантовъ.

На дняхъ попалась намъ въ руки очень интересная книга Ив. Наживина „Моя исповѣдь“. Наживинъ — извѣстный толковецъ и, какъ таковой, давнымъ давно порѣшилъ съ обрядами. И долгое время жилъ безъ нихъ и, конечно, критиковалъ ихъ. Однако въ концѣ концовъ пришелъ къ оправданію обряда, затосковалъ по немъ и написалъ ему великолѣпный диэирамбъ.

Такъ какъ такого рода „исповѣдь“ явленіе въ высшей степени важное, интересное и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменательное, то считаемъ нужнымъ ознакомить своихъ любезныхъ читателей съ тѣми страницами интересной книги, которыя проливаютъ значительную полосу свѣта на психологію сектантовъ, отказывшихся отъ обряда.

Моя духовная жизнь, пишет Наживинъ, шла своимъ путемъ: въ какомъ-то таинственномъ процессѣ тамъ одно чуть-чуть измѣнялось, другое исчезало совсѣмъ и на его мѣсто проростало что то новое.

Уже давно зародилась въ моей душѣ какая-то сперва очень смутная неудовлетворимость, которая все росла, росла и около этого времени стала принимать все болѣе и болѣе опредѣленные формы.

Началось все смутнымъ, но тяжелымъ сознаниемъ своей отрѣзанности въ дѣлѣ вѣры отъ народа, своей одиночности. *И было грустно отъ утраты всего того высоко-поэтического, и прекраснаго, и роднаго съ дѣтства, что было въ православіи: унылый звонъ великаго поста, величественная скорбь страстной недѣли, свѣтлое ликованіе Пасхи, березки Троицына дня, уединенные, тихие сѣверные монастырьки, схимники, юродивые, стихи переходящихъ калекъ, задумчивый вечерній звонъ, доносящійся лѣтнимъ вечеромъ изъ-за лѣса... Но какъ ни тяжела, какъ ни больна была утрата всего этого, я, сдѣлавъ усиліе, примирился съ этимъ.*)*

Моя новая религія не удовлетворяла меня. Я началъ искать болѣе тѣснаго единенія съ Богомъ и не находилъ его. Богъ оставался для меня какой-то прекрасной, но туманной абстракціей. Я чувствовалъ, я зналъ, что Богъ есть, но Онъ былъ какъ-то Самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. И это вызвало во мнѣ чувство безконечнаго одиночества и вытекающей изъ него боязни. Жутко на землѣ жить безъ Бога! .

Поясню все это примѣромъ.

Какъ-то разъ, — это было еще подъ Москвой, — я зашелъ въ кухню. Тамъ передъ образомъ съ тихо сіявшей лампадкой стояла на колѣняхъ и молилась гостившая у насъ наша старая няня. Не успѣвъ даже сообразить, что нехорошо мѣшать ея молитвѣ, я спросилъ, что было мнѣ нужно. Тяжело поднявшись съ полу, няня отвѣтила на мой вопросъ, и на ея старческомъ лицѣ, обвѣянномъ тихимъ святымъ чувствомъ молитвы, не мелькнуло и тѣни досады или неудовольствія. Мнѣ стало стыдно, и я торопливо вышелъ изъ кухни.

(* Курсивъ вездѣ нашъ. Ал. В.

Эта старуха выходила меня, всѣхъ насъ. Въ ея прошломъ было не мало грѣха. Я знаю многое изъ ея жизни такое, воспоминаніе, о чемъ теперь несомнѣнно тяготитъ ея старое сердце. И вотъ я вижу ее раннимъ утромъ на колѣняхъ на жесткомъ полу, вижу тихій свѣтъ на ея старомъ, добромъ лицѣ. Для Бога умѣть она жертвовать не только сномъ, не только стоять на колѣняхъ, для Него она ходила своими старыми натрудившимися ногами въ Кіевъ, цѣлыми долгими мѣсяцами терпя нужду, усталость, лишенія. Передъ лицомъ недалекой смерти она задумалась, покаялась и теперь изъ всѣхъ своихъ старческихъ силъ, какъ умѣть и какъ понимаетъ, старается служить Богу. И поэтому лицо ея и свѣтится такимъ теплымъ, ласкающимъ свѣтомъ въ этотъ тихій утренній часъ, поэтому-то вся жизнь ея теперь такъ ясна и благообразна.

Въ этотъ же день къ вечеру къ намъ пришла тетка, простая, добрая баба изъ старозавѣтной деревенской родни. Садясь за чай, тетка посмотрѣла въ передній уголъ и удивилась и испугалась.

— Да что это у васъ боговъ-то нѣтъ?

Присутствовавшая при этомъ старуха няня, видимо, желая съ одной стороны не уронить въ глазахъ гости своихъ питомцевъ-хозяевъ, за которыхъ ей, видимо, было сгъдно, съ другой — смягчить нанесенное отсутствіемъ иконъ оскорбленіе религиозному чувству тетки, полусмѣливо отвѣтила:

— Да мы въ деревню-то ихъ не возимъ, въ городѣ оставляемъ.

Но присутствовавшій при этомъ „единомышленникъ“ не пожелалъ „компромиса“ и поправилъ:

— Это неправда: иконъ у нихъ и въ городѣ нѣтъ.

Тетка молча испуганно покачала головой, а старая няня сконфуженно улыбнулась. А я, я остро почувствовалъ, *насколько „некультурная“ душа выше „культурной“, снявшей образа, но забывшей о любви къ людям!*

Такъ вотъ этого-то тепла, этой проникающей всю жизнь ясности, вызываемой чувствомъ близости Бога, и не было ни у меня, ни у моихъ „единомышленниковъ“. Всѣ мы были люди надорванные, мученики неосуществимыхъ, *для насъ неосуществимыхъ*)* религиозныхъ идей. Именно, мученики..

*) Курсивъ Ив.Наживина.

Все чаще и чаще поднималась во мнѣ потребность молиться, но какъ, куда, кому молиться? Богъ безконеченъ, Богъ — Духъ вездѣсущій, куда же именно, какъ мнѣ отвергнутому всякую обрядность, обратиться? Безконечность и ничто — одно и тоже въ данномъ случаѣ, такъ какъ къ безконечности нельзя обращаться. Все же я пробовалъ, пытаюсь не разъ, но чувство, мысль, молитва, неимѣя точки опоры въ этой безконечности, какъ-то безпомощно разсыпавались и оставляли чувство неудовлетворенности**).

И потомъ какъ молиться, гдѣ? Стоя, сидя, закрывъ лицо, ставъ на колѣни? Что это не все равно, доказываетъ опытъ безчисленныхъ поколѣній. И какими словами? Одна молитва Христова „Отче нашъ“ не удовлетворяла меня и я радостно прибавлялъ къ ней чудную молитву Ефрема Сирина „Господи, Владыко живота моего“... и иногда „Царю небесный“. Эта молитва прямо прекрасна: „Царь небесъ, истинный Утѣшитель души, всюду сущій, все наполняющій, податель сокровищъ жизни, — прииди и вселись въ насъ и очисти насъ отъ всякой скверны и спаси, Благой, души наши“... Все это очень хорошо.

Но гдѣ всѣ эти слова, эти молитвы восторга и любви, сокрушенія, созерцанія? У меня ихъ не было... Написать книгу въ 500 страницъ, это мы можемъ, а составить для себя молитву въ 5 строкъ — выше нашихъ силъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Фету Толстой спрашивалъ себя: вотъ мы отвергли обрядъ, — хорошо, но что же дѣлать, если умереть близкій, дорогой человекъ? Неужели велѣть кучеру сунуть его въ мѣшокъ и вынести?

Это было давно, это письмо, но и Толстой послѣдняго времени, садясь за работу, говорятъ, крестился: этимъ старымъ, съ дѣтства привычнымъ жестомъ онъ приводилъ себя въ серьезное религіозное отношеніе къ томъ, что онъ собирался дѣлать.

У одного изъ близкихъ мнѣ людей умерла жена. Чтобы не было волокиты, онъ человекъ неправославный, рѣшилъ обратиться къ православному священнику съ просьбой похоронить его жену и, насколько возможно, сдѣлать это наиболее благообразно и торжественно. Священникъ, оказавшійся добрымъ человекомъ, исполнилъ его просьбу, и тотъ былъ прямо пораженъ высовой красотой нѣкоторыхъ отдѣльныхъ моментовъ обряда.

**.) Курсивъ нашъ. А. В.

Съ другой стороны, недавно мнѣ рассказывали о похоронахъ, устроенныхъ передовыми, осѣвшими на землю интеллигентами своему товарищу. Сунувъ покойника въ ящикъ, они взвалили его на телѣгу, а такъ какъ имъ нужно было завести куда-то по пути плугъ, то положили на гробъ и плугъ, и сѣна для лошади. Затѣмъ одинъ изъ нихъ усѣлся на сѣно, прикрывающее гробъ, и покатылъ: Сунувъ гробъ въ яму на кладбищѣ, интеллигентъ поѣхалъ по своимъ дѣламъ.

Чѣмъ больше думалъ я объ обрядѣ, т. е. о внѣшнемъ символическомъ выраженіи высочайшихъ въ душѣ чувствъ и мыслей о жизни, смерти и Богѣ,—тѣмъ болѣе я тогда поражаюсь.. своей самонадѣянности и гордости! Я понимаю, что могутъ быть и есть сильныя, огромныя души, которыя не нуждаются въ подпоркахъ обряда, которыя какъ орлы могутъ парить на своихъ могучихъ крыльяхъ въ безпредѣльной лазури безобрядной, чистой религіи. Я понимаю и съ благоговѣніемъ преклоняюсь предъ великимъ Учителемъ человѣчества, старавшагося поднять и всѣхъ людей на эту высоту, но я точно также знаю, не могу отвергнуть и того огромнаго факта, который рѣжетъ глаза, что люди упорно не идутъ, не могутъ идти за этимъ Учителемъ. „Богъ не на горѣ Сихемской, Богъ не во Иерусалимѣ“,—говоритъ Иисусъ самарянкѣ“. „Богъ вездѣ и поклоняться Ему надо въ духъ и истинѣ“. Да, да,—съ искреннимъ восторгомъ говорятъ люди, озаренные красотой огромной идеи, и строятъ храмы и на горѣ Сихемской, и въ Иерусалимѣ, и по всему земному шару!

Вѣдь, значитъ же что-нибудь тотъ фактъ, что человечество, преклоняясь всей душой предъ великимъ Учителемъ, упорно сводитъ Его высокую религію изъ предѣльной лазури на свою грѣшную землю и одѣваетъ ее въ земныя одежды обряда. Вѣроятно причина этому та, что человечество въ массѣ не способно понять во всей глубинѣ этого ученія. Его плѣняетъ только ослѣпительная нравственная красота Учителя и всей Его жизни, красота, которой они не могутъ не чувствовать: красота, эстетика огромная сила въ жизни массъ.

Но какова бы ни была причина, какъ мой я, слабый человѣкъ, вообразить себя орломъ и отвергнуть этотъ опытъ миллиардовъ людей? Что же удивительнаго въ томъ, что мнѣ одиноко и тяжело?

Главное въ религіи это совершенствованіе себя ради Бога и себя, и дѣла любви. А обрядъ — вѣчто прекрасныя, всѣмъ понятныя символы, музыка, пѣніе, слово, долженъ помочь людямъ, обновляя, укрѣпляя, возвышая ихъ

Возьмемъ погребеніе Я не только ничего не имѣю противъ черныхъ одеждъ, символа нашей скорби, скорбныхъ гимновъ — напротивъ, я непрѣменно хочу и черныхъ одеждъ и скорбныхъ гимновъ, и мерцанія свѣчъ въ блескѣ утренняго солнца или вечерней закатной зари, человѣку мучительно хочется этотъ величайшій въ жизни моментъ обставить какъ можно торжественнѣе. Пусть кто-нибудь изъ близкихъ скажетъ надъ гробомъ рѣчь о великомъ значеніи смерти, о томъ, чему она учить насъ, еще живущихъ, пусть всѣ, „зряще бездыханна и безгласна“ дорогого человѣка, прійдутъ къ нему и цѣлуютъ его послѣднимъ цѣлованіемъ, пусть всѣ по очереди исполняютъ тяжелый долгъ и бросать по лопатѣ земли въ его могилу.

Господи Боже, неужели же тысячелѣтія духовной работы прошли безслѣдно и все, что мы можемъ теперь придумать въ такой торжественный моментъ — это завалить покойника сѣномъ и усесться на гробъ друга з...ей?!

При бракѣ пусть будутъ и цвѣты, и радость, и свѣтлыя одежды, и свѣтлыя гимны, и мудрыя рѣчи о вѣликомъ значеніи брака, какъ источника вѣчной жизни, объ отношеніи человѣка къ семьѣ. Что дурного въ кольцахъ, какъ символѣ той неразрывной цѣпи, которая должна связать отнынѣ дѣвушку съ ея избранникомъ и его съ ней?

Я оставилъ бы даже храмы — не тѣ часто груды камней, запутавшіяся въ сѣти грязныхъ улицъ сумасшедшихъ городовъ — нѣтъ я воздвигалъ бы ихъ въ самыхъ красивыхъ и уединенныхъ углахъ земли, среди горъ и лѣсовъ, на скалахъ, надъ серебряной гладью рѣкъ, озеръ и морей, въ мѣстахъ „зѣло красныхъ“, какъ строились и у насъ въ Россіи, и всюду первыя монастыри.

Что было бы дурного въ томъ, думалъ я, если бы люди въ праздничный день собрались въ эти храмы въ свѣтлыхъ праздничныхъ одеждахъ, въ цвѣтахъ, чтобы преклониться предъ символами, вѣчно прекрасными, глубокими и понятными, чтобы слушать чтеніе древнихъ и мудрыя рѣчи, чтобы возноситься на огненныхъ крыльяхъ пѣснопѣвчій въ лазурную высь вѣчности?

Теперь я как червь, корчусь по землѣ, въ бесплодныхъ попыткахъ подняться къ небу, а тогда при сбрадахъ, я, можетъ быть, унесся бы въ небо легко и свободно...

Будемъ стремиться къ чистой, безобразной, исключительно внутренней религіи, за предѣлы всякихъ символовъ, словъ и звуковъ, но пока возьмемъ ту помощь, которую даетъ намъ въ достиженіи міра нездѣшняго міръ здѣшній.*)

Читая это чистосердечное признаніе извѣстнаго всѣмъ толстоваца, сразу замѣчаешь, что онъ уже не тотъ, что съ нимъ произошла глубокая перемѣна въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, что онъ вновь повернулся лицомъ къ ослепанной и поруганной имъ прежде матери, вскормившей и воспитавшей его, т. е. къ Православной Церкви.

И неудивительно. Ему было всегда „грустно отъ утраты всего того высоко-поэтическаго, и прекраснаго, и роднаго съ дѣтства, что было въ православіи“. И эта грусть, помимо воли, постоянно возвращала его мысль къ недавнему прошлому, къ покинутому и отвергнутому обряду, заставляла задумываться надъ нимъ, выяснять его сущность и значеніе, опредѣлять его мѣсто въ религіозной жизни человѣка и его психологическую необходимость.

И плодомъ такой продолжительной и упорной работы надъ вопросомъ объ обрядѣ — явилось полное признаніе и оправданіе его.

Тотъ, кто ранѣе отвергъ его, какъ нѣчто не нужное, теперь вновь принялъ его.

Тотъ, кто прежде не видѣлъ въ немъ ничего, кромѣ заблужденія, теперь увидѣлъ въ немъ огромный смыслъ и значеніе.

Тотъ, кто раньше говорилъ, что можно и безъ обряда вѣрить и молиться, теперь самъ убѣдился въ томъ, что пока мы состоимъ не изъ чистаго духа, а изъ души и тѣла, пока мы слабы и немощны — безъ обряда ни въ какомъ случаѣ обойтись нельзя.

---

*) Наживинъ. «Моя исповѣдь» Москва. 1912 г. стр. 206.

И такъ перешѣна не съ однимъ Наживинымъ произошла, а со многими

Недавно мы выпустили въ свѣтъ книгу подь заглавіемъ: „Что говорить сектанты о сектантахъ“.*)

Книга представляет собою сборникъ «писемъ», «статей», «исповѣдей», наподобіе Наживина, выпущенными наиболѣе честными и искренними сектантами. Въ ней можно много найти въ подтвержденіе той мысли, что сектанты тоскуютъ объ обрядѣ и эта тоска заставляетъ ихъ вновь переходить въ православіе.

Приведемъ еще одинъ такой примѣръ.

Секретарь Петербургской баптистской общины Ф. Птицынъ писалъ къ наставнику баптистовъ В. Фетлеру:

„Прощаюсь съ вами, Вильгельмъ Андреевичъ, этимъ письмомъ, искренно желаю вамъ быть искреннимъ.“

О себѣ связу весьма искренно, что 3½ года тому назадъ пашковскія и баптистскія проповѣди захватили меня. Я, не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, потянулся всѣмъ своимъ существомъ въ сектантскій міръ. Я слѣдался баптистомъ и даже проповѣдникомъ баптистскаго вѣроученія. Но скоро затѣмъ сталъ ощущать я какой то недостатокъ въ духовной жизни своей. Все, кажется, было благополучно, а вмѣстѣ съ тѣмъ чего-то не хватало. Наконецъ, понялъ я, что, проживъ 42 года въ Православіи и получивъ воспитаніе въ православномъ духовномъ учебномъ заведеніи, не могъ не скучать я о родной вѣрѣ отцовъ моихъ.

Первый духовный пылъ сектантскаго подъема получается во мнѣ и я началъ замѣчать недостатки, отступленія отъ священнаго Писанія и самозванства сектантскаго вѣроученія. Съ другой стороны, гулъ колоколовъ съ православныхъ храмовъ, доносящійся до моего слуха, въ особенности въ праздничные и высокаторжественные дни, сталъ будить во мнѣ чудныя, святыя воспоминавія далекаго дѣтства и отрочества. При звукахъ этихъ воспоминается родное село родная изба съ иконами и лампадами; воспоминаются родители... Въ особенности ярко встаетъ въ памяти отецъ. Онъ въ послѣдніе годы жизни своей былъ настоящимъ подвижникомъ и ревностнымъ сыномъ православной Церкви. Я вѣрю, что онъ получилъ отъ Господа жизнь вѣчную. Слезы застилаютъ глаза мои при воспоминаніяхъ этихъ..

*) 1915 г. Одесса. 200 стр. ц. 1 р.

Хотя среди баптистовъ я пользовался до сего времени особымъ почетомъ и состоялъ въ числѣ передовыхъ братьевъ общины, а именно: два года тому назадъ единогласно избранъ былъ я всею общиною членомъ совѣта, а затѣмъ и секретаремъ общины; назначенъ проповѣдникомъ и, какъ проповѣдникъ, завѣдующимъ и руководителемъ молитвенныхъ собраній въ собственномъ молитвенномъ домѣ баптистовъ на Вас. остр. по 24-й линіи, выѣзжалъ для проповѣди въ Дудерговъ, Ораніенбаумъ, Лигово, Лѣсной и другія мѣста; завѣдывалъ кассою общины; состоялъ секретаремъ книгоиздательства „Полезной Литературы“ и журнала „Гость“ и личнымъ вашимъ секретаремъ.

Но, несмотря на все это, я томлюсь, потому что колокольный звонъ православныхъ храмовъ зоветъ меня обратно; зоветъ въ дорогое сердцу моему лоно Матери Православной Церкви.

Я жажду работать въ дѣлѣ проповѣди на нивѣ Божіей среди родныхъ мѣ по духу православныхъ братьевъ и сестеръ. Мнѣ хочется съ проповѣднической кафедрой засвидѣтельствовать истинность православнаго исповѣданія и обличить заблужденія баптистовъ, среди которыхъ я находился почти 4 года. Мнѣ хочется разсіять тотъ сектантскій туманъ, занесенный къ намъ изъ чужихъ странъ, который затемняетъ духовныя очи чадамъ православной Церкви.

Мнѣ уже не хочется болѣе находиться среди чуждыхъ мѣ по плоти и по духу баптистовъ.

И такъ, несмотря на то, что въ послѣднее время вы увеличили мое жалованье и предложили безплатную квартиру въ строящемся молитвенномъ домѣ, все же я не могу оставаться баптистомъ, потому что я стремлюсь къ истинному и вѣчному свѣту. Я возвращаюсь къ вѣрѣ отцовъ моихъ. Возвращаюсь въ Православіе и молю Господа Бога освѣтить и вашъ путь, чтобы и вы, уча другихъ любви, приняли и сами эту Божественную любовь въ сердцѣ ваше и не считали бы окружающихъ васъ вашихъ ближнихъ только средствомъ для удовлетворенія вашего честолюбія“.

Вашъ бывшій сотрудникъ Ф. Птицынъ

Думаемъ и вѣримъ, что многіе среди сектантовъ тоскуютъ по нашей Церкви. И эта тоска вновь приведетъ ихъ къ намъ, какъ привела Птицына и ему подобныхъ.

Если такъ, то говорить, что нашъ народъ не такъ приверженъ къ обряду, какъ червонно-русскій народъ, послѣ приведенныхъ свидѣтельствъ не приходится.

(Самар. Еп. Вѣд. № 10) Свящ *Ал. Введенскій*.

У СВЯТОЙ ПЛАЩАНИЦЫ.

Ниць распростершись въ страхъ и трепетъ
Предъ Тобой,

Долго молилась я грѣшница бѣдная,
Жаркой мольбой.

Боже, мнѣ смерти дыханье тлетворное
Сердце щемить.

Уничтоженія бездна холодная.
Умъ леденить.

Боже, отъ смерти подай искупленіе,
Сердце согрѣй.

Славы Твоей и безмертья участницей,
Душу содѣй.

Прочитавъ одивъ разсказъ въ журналѣ «Кормчій», я припомнила недавно слышанный разговоръ о томъ, что въ наше время нѣтъ чудесъ. Глубоко задумалась я надъ прочитаннымъ и слышаннымъ, и мысль моя постепенно перешла на мою собственную жизнь. Мнѣ припомнилось нѣсколько случаевъ проявленія мисости Божіей и ко мнѣ грѣшной. Я глубоко вѣрю, что искренняя вѣра и горячая молитва, соединяющія душу съ ея Творцомъ, можетъ сдвинуть и гору. Мнѣ такъ неожиданно пришло желаніе подѣлиться пережитымъ и передуманнымъ съ кѣмъ нибудь, что я рѣшила описать эти случаи ввидѣ маленькаго разсказа, который, можетъ быть, приведетъ и еще кого-нибудь на мысль провѣрять и свою жизнь, въ которой, навѣрное, найдется доказательство непрерывной и человѣколюбивой заботы и попеченія нашего Творца. Недаромъ говорятъ разумные люди, что человѣкъ, уже самъ по себѣ, чудо, надъ которымъ стоитъ подумать. Да поможетъ мнѣ Господь докончить начатое, и достигнуть цѣли, съ которой я пишу.

Я говорила раньше, и теперь говорю, что доброе семя, посеянное в дѣтскую душу, всегда дастъ ростки, и со временемъ принесетъ хорошій плодъ. Можетъ быть жизнь и среда, въ которой придется вращаться человѣку и заглушать это доброе семя, но не уничтожать совѣмъ. То хорошее, вложенное въ сердце ребенка, будетъ тлѣть крошечной искоркой подъ пѣпломъ нашей грѣховной жизни до поры до времени; а это время непременно настанетъ, такъ какъ жизнь человѣка не можетъ пройти ровно, безъ испытаній; и искра эта вспыхнетъ яркимъ пламенемъ и дастъ силу пережить тяжкое горе, борьбу со зломъ и несправедливость людскую. Я говорю это по опыту личному. Съ какой глубокой благодарностью я вспоминаю моего дорогого наставника и учителя православной вѣры и теплаго отношенія къ страждущимъ. Мой первый духовный отецъ и наставникъ, отецъ Іоаннъ Поливановъ, старался внушить мнѣ, тогда еще маленькой дѣвочкѣ, любовь и состраданіе къ обездоленнымъ ближнимъ. О, какъ часто потомъ приходилось каяться, что я не всегда слѣдовала тѣмъ правиламъ, которыя онъ старался вкоренить въ моей дѣтской душѣ. Но и то немногое, что сохранилось въ моемъ сердцѣ изъ его наставленій, не разъ спасало меня отъ тяжелаго грѣха въ минуты скорби и отчаянія. Свѣтлая была личность мой дорогой наставникъ. Ему и покойному отцу моему, который тоже былъ человѣкъ религіозный, серьезный и вѣрующій, я обязана тѣмъ, что до сихъ поръ тяну мою, подъ конецъ почти безпросвѣтную, жизнь, полную горя и испытаній. Царство небесное и вѣчный покой вамъ, мои дорогіе, незабвенные.

Часто приходится слышать въ наше смутное, тревожное время, что нѣтъ чудесъ; другіе говорятъ, что и раньше ихъ не было, все стараются объяснить естественнымъ путемъ, или нервной почвой. Нѣтъ, они есть, были и будутъ. Въ жизни каждаго человѣка, если онъ задастъ себѣ трудъ прослѣдить внимательно свою жизнь, найдется не мало чудеснаго, свидѣтельствующаго о милости, попеченіи и заботахъ о насъ нашего милосерднаго человѣколюбиваго Господа.

Но мы такъ привыкли не обращать на это вниманіе, что просто не замѣчаемъ этихъ явленій; а если онѣ и обращаютъ на себя наше вниманіе, то мы непременно припишемъ ихъ или совпаденію или случайности и т. п., но никогда про-

мыслу Божію. Въ 18.. году 2-й полкъ Сибирскаго казачьяго войска находился въ гор. Лепсинскѣ, Семирѣченской области. Но такъ какъ помѣщеніе на зиму всѣхъ нижнихъ чиновъ въ самомъ городѣ было невозможнымъ, то пришлось нѣсколько частей распредѣлить на зимнія квартиры по ближайшимъ къ городу деревнямъ. Въ одной изъ такихъ деревень, по имени «Константиновка» (названная въ честь Константина Петровича Кауфмана, начальника края), пришлось поселиться и намъ съ мужемъ и со своей частью. Не знаю, благодаря ли крайне неудобному помѣщенію, или переѣзду въ холодное осеннее время, я стала прихварывать, не придавая особеннаго значенія моей болѣзни, по крайней мѣрѣ въ первое время ея. Такъ перемогалась я почти всю зиму, къ концу которой болѣзнь начала обостряться, вся боль сосредоточилась въ лѣвомъ боку, ниже бедеръ. О Боже, что за мучительная, невыносимая была боль! И теперь еще, при одномъ только воспоминаніи, я вся холодѣю. Чуть только бывало прокараулять — я извивалась до крови, и сейчасъ еще остались легкіе шрамы на лбу, какъ воспоминаніе о пережитыхъ страданіяхъ и чудесномъ исцѣленіи по неизрѣченной милости Божіей. Къ наступленію весны я такъ исхудала и безсилѣла, что съ величайшимъ усиліемъ могла приподнять руку, или полукрѣпить глаза. Скорѣй по движенію губъ, чѣмъ по шопоту, мои близкіе догадывались о моемъ желаніи чего-нибудь. Изъ цвѣтущей, тогда еще молодой женщины, получился трупъ, а не живой человѣкъ. Привозили изъ города доктора, приглашали священника, служили молебень: ничто не помогало — Господу угодно было продлить мое испытаніе, чтобы лучше очистить мою душу и проявить свою великую силу и милосердіе. Да будетъ благословенно и препрославленно имя Его.

Врачъ не могъ даже опредѣлить болѣзнь мою. Были знахари и знахарки, надъ которыми я раньше смѣялась, потому что не вѣрила имъ, и сознательно никогда бы не обратилась къ нимъ. Это все люди нашей части, которые очень любили меня, во главѣ съ моею старушкой няней, продѣлывали, желая помочь мнѣ и пользуясь моимъ почти безсознательнымъ положеніемъ. Прослышать бывало, что въ той или другой деревнѣ, расположенной близко отъ нашей Константиновки, есть знахаръ или знахарка — сейчасъ же придумаютъ предлогъ явиться къ моему мужу

и начнутъ просить разрѣшить имъ отлучиться по личной надобности: одному сапоги понадобятся заказать, другому сбрую поправить и т. д. И когда разыщутъ нужнаго имъ человѣка, то привезутъ ко мнѣ, и по уговору съ моею няней, съ большими предосторожностями, чтобы не попасться на глаза командиру — моему мужу, проводили привезеннаго въ мою комнату, гдѣ и начинали лѣчить меня самозванные лѣкари и лѣкарки. Какой гадостью ни поили меня (вродѣ рыбей чешуи) и что только ни продѣлывали они со мной! И потомъ, когда моя старушка передавала мнѣ, какъ меня лѣчили, то я удивлялась, какъ я осталась жива отъ такого лѣченія. Воображаю, какъ досталось бы и лѣкарямъ и тѣмъ, кто ихъ привозилъ отъ мужа, если бы онъ узналъ о ихъ стараніяхъ!

Наступила весна. Быстро сошелъ снѣгъ, и показалась травка. Горные ручьи съ шумомъ ринулись въ долину, унося съ собою все, что попадалось имъ на пути. Дорога отъ Константиновки до города и въ лучшее время года небезопасна, а въ весенніе разливы — почти невозможна. Она шла надъ обрывами и косогорами, было нѣсколько крутыхъ, почти отвѣсныхъ спусковъ, ведущихъ на живой мостикъ, переброшенный черезъ небольшую горную рѣчку или какой нибудь обрывъ. Но прежде чѣмъ продолжать рассказъ, я опишу два случая, которые навели меня на мысль перебраться въ городъ. Помню, разъ лежу я съ ноющей болью, которая непрерывно мучила меня и не давала возможности забыться хотя на мигъ. Подходить ко мнѣ няня и подаетъ какую то книгу. Я съ досадой нахмурилась; „вѣдь знаетъ, думаю, что не могу я читать, и беспокоитъ меня“. Она точно угадала мою мысль. „Барыня, матушка, знаю я, что не можешь читать то ты родная, дай я положу ее тебѣ подъ головушку; святая книжечка то, не полегчаетъ ли тебѣ, голубушка ты наша. — Откуда? спрашиваю. „Не знаю, матушка. Мужичекъ какой то принесъ, не видала его раньше“, отвѣчаетъ няня „положи, говоритъ книжку то къ ней и ушелъ, ничего больше не сказалъ“. Взяла я книжку, раскрыла ее, и прочитала: „Жизнь и чудеса великомученика Пантелеимона“. Помню, я страшно обрадовалась, поцѣловала книгу и положила ее на больное мѣсто. Боли какъ будто утикли. Второй случай такой. Я была въ забытѣ и лежала съ закрытыми глазами. Вдругъ слухъ мой былъ пораженъ сдержаннымъ шопотомъ нѣсколькихъ голосовъ. „Вѣдная наша матушка барыня, оставила насъ...

Голоса были взволнованы. Что такое, думаю: „какъ могли люди попасть въ мою комнату, куда почти никого не пускали, изъ боязни потревожить меня? Почему бѣдная? какъ оставила? кого? Всѣ эти мысли быстро мелькнули у меня въ головѣ. Съ большимъ трудомъ я полуоткрыла глаза, и мнѣ представилась такая картина: у образа горѣла свѣча; у стола спиной ко мнѣ сидѣлъ мужъ, положивъ голову на руки, плечи его вздрагивали: онъ, видимо, плакалъ. Изъ двери слѣдующей комнаты видны были взволнованныя лица нашихъ людей; у нѣкоторыхъ были на глазахъ слезы. Всѣ они съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на мою милую старушку, которая, склонясь надо мной, пылливо вглядывалась въ мое лицо. Рука ея была приподнята ввидѣ ли предупрежденія, или для крестнаго знаменія — не знаю. Какъ только я открыла глаза, няня быстро повернула голову къ людямъ и тихо проговорила: „Жива, слава Богу, жива. Сразу все стихло, лица просвѣтлѣли, и тихо, сдерживая дыханіе, люди стали выходить изъ комнаты. Нѣкоторые крестились. Я такъ была слаба и измучена болями, что даже не могла удивляться присутствію нашихъ людей въ моей комнатѣ, ихъ волненію и даже слезамъ, а потомъ, я уже такъ привыкла съ ними дѣлать и горе и радость. Молятся, плачутъ, испугались, думали что я умерла. Забыто все: и строгая дисциплина, и присутствіе командира. Неужели я умру, неужели я не увижу разцвѣта весны (а на югѣ она такъ хороша!), не побываю въ храмѣ Божиѣмъ, не услышу церковныхъ напѣвовъ, такъ любимыхъ мною. А жить то какъ хочется! А мужъ! А ребенокъ! Нѣтъ, умирать не надо, надо жить, а для того чтобы жить, надо молиться. Люди не помогли — Богъ поможетъ. Надо ѣхать въ городъ. Тамъ церковь, тамъ священникъ. Если, ужъ Господу угодно, чтобы я умерла, такъ пусть напутствуютъ и по христіански похоронятъ. Такъ думала я, и мысль эта уже не оставляла меня. Ѣхать во что бы то ни стало. А какъ ѣхать по такой опасной дорогѣ? Вынесу ли я ее при моей слабости и невыносимой боли? Объ этомъ я уже не думала и всей душой рвалась туда, гдѣ могла получить исцѣленіе. Подошла страстная недѣля Великаго поста. Я съ каждымъ днемъ все болѣе слабѣла. Я стала просить мужа, чтобы онъ отправилъ меня въ городъ. Сначала онъ и слышать не хотѣлъ, доказывая, что по такой опасной дорогѣ и здоровому не проѣхать, а меня, такую

больную и слабую совсѣмъ невозможно везти; тѣмъ болѣе, что ему самому нельзя проводить меня, т. е. онъ не можетъ безъ разрѣшенія начальства отлучиться отъ части даже на короткое время. Но я не принимала никакихъ резоновъ и волновалась страшно — что, конечно, ухудшало мое положеніе. Наконецъ, мужъ, по обыкновенію, уступилъ и отправилъ меня съ ребенкомъ и няней, давъ мнѣ двухъ казаковъ для сопровожденія. Какъ уложили меня въ экипажъ, какъ довели до города по испорченной дорогѣ, почти непроѣзжей, я до сихъ поръ не знаю. Богъ помогъ, — да добрые славные наши молодцы-казаки, которые всю дорогу оберегали меня и доставили на ранѣе приготовленную квартиру. Когда по пріѣздѣ въ городъ, я въ первый разъ пришла въ сознаніе, я сначала не могла понять гдѣ я нахожусь. Вижу, лежу въ высокой большой и очень чистой комнатѣ. Плотныя занавѣски на окнахъ спущены, полумракъ, тишина; передо мной стоитъ сѣдой старичекъ въ длинной бѣлой рубахѣ и держитъ въ рукахъ чашку. „Опять знахарь“, мелькнуло у меня въ головѣ, и опять забылась. На слѣдующій день пріѣхалъ мужъ навѣстить меня и узнать, какъ я доѣхала. Не знаю, какимъ образомъ, я узнала, что сегодня пятница и вынось плащаницы, но при видѣ мужа, я стала просить его свозить меня въ церковь, чтобы я могла въ послѣдній разъ приложиться къ святой плащаницѣ, а тамъ и умереть можно. За послѣднее время я уже не рвалась къ жизни, не жалѣла умереть. Не знаю, настрадаюсь ли я сильно, или освоилась съ мыслью о смерти, о которой я такъ часто воспоминала. Сначала мужъ мой не рѣшался исполнить мою просьбу, но вспомнивъ строгій наказъ доктора оберегать меня отъ всякихъ волненій, положился на волю Божию. Повезли меня такимъ образомъ. Меня положили на большую подушку и подняли на телѣжку. А такъ какъ меня ни положить, ни посадить въ экипажъ было нельзя, то мужъ и деньщикъ везли меня на воздухѣ. Они встали на подножки телѣжки, одинъ съ одной стороны, другой съ другой и поддерживали за углы подушку, не опуская ее на сидѣнье. Голову я не могла приподнять — и она скатывалась у меня то на одно, то на другое плечо. Помню, день былъ теплый, солнечный, было 12 часовъ дня. Еще разъ скажу, что я глубоко вѣрила, что для Господа все возможно, если Онъ, Милостивый, захочетъ проявить силу и милость къ своему созданію, даже такому не-

достойному и грѣшному, какъ я. Да будетъ благословенно имя Его. До сихъ поръ я не могу вспоминать безъ сердечнаго трепета о томъ, что случилось. Когда меня внесли въ церковь, душа моя наполнилась какимъ то необъяснимымъ чувствомъ, которое я передать не могу, О, какъ хорошо было въ храмѣ Божиѣмъ! Впослѣдствіи мнѣ приходилось бывать въ великихъ Кремлевскихъ храмахъ Москвы при торжественныхъ богослуженіяхъ, но никогда я не испытывала такой радости и умиленія, какъ въ этомъ маленькомъ, и сравнительно бѣдномъ храмѣ на далекихъ окраинахъ нашего обширнаго отечества. Помню, церковь была залита солнечными лучами. Всѣ три двери были открыты настежь, полы только что вымыты. Въ церкви никого не было, кромѣ сторожа, который побрякивалъ ключами у свѣчнаго ящика, но и онъ скоро куда то ушелъ. Посреди церкви стояла святая плащаница. Поднесли меня къ ней и опустили на полъ съ подушкой. Я попросила поднять меня на колѣни, возлѣ плащаницы, и оставить одну. Мужъ и казаки отошли въ сторону. Но стоять прямо я не могла. Положивъ руки на святое изображеніе и склонивъ на нихъ голову, я, обливаясь горячими слезами, стала мысленно молиться. Нѣтъ, это была не молитва — это была жалоба больного дидати къ безконечнолюбимому и любящему Отцу съ полной вѣрой, что Онъ и видитъ и слышитъ меня. Я не читала молитвъ — я выражала своими словами то, что было у меня на душѣ. „Господи, шептала я беззвучно, Ты видишь, что мнѣ не по силамъ такія страданія. Я не могу выносить больше такихъ мукъ, пожалѣй же Твое созданіе грѣшное, недостойное, но все же Твое. Если мнѣ нужно умереть, то возьми меня, если жить я должна, „то дай мнѣ силъ, облегчи мои страданія“. Во время моей слезной молитвы, я подняла слегка голову, и взглянула черезъ плащаницу на мѣстныя иконы. Ясно и отчетливо увидѣла я Его, моего Господа! моего Спасителя! Онъ стоялъ по другую сторону плащаницы, лицомъ ко мнѣ. На Немъ была бѣлая, слегка желтоватая ряса, которая мягкими складками окутывала Его до самаго пола. Руки Его были опущены вдоль тѣла, голова слегка склонена на правое плечо, волосы бороды и головы были каштановаго цвѣта, волосы, крупными локонами спускались на плечи. О Господи! что за идеальная, божественная красота! А глаза! темнокаріе. Все это быстро запечатлѣлось у меня въ мозгу, точно на фотографической пластинѣ. Эти чудные глаза

были устремлены на меня, но съ какимъ выраженіемъ, сколько жалости, кротости, любви! Это божественное лицо на человѣческомъ языкѣ выразить невозможно. Позже, я видѣла святой ликъ, изображенный кистью великихъ художниковъ, но все это не то, что было передъ моими глазами. О, далеко не то. Что я испытывала въ тотъ мигъ, передать этого не могу. Я замерла. Мою душу наполнилъ невыразимый восторгъ. Дважды человѣкъ не можетъ пережить то, что я испытала въ то время. Никакая земная радость не можетъ союю долей сравниться съ тѣмъ чувствомъ, которое наполнило все мое существо. Я трепетала, я забыла весь міръ, все окружающее, на какія, кажется, муки пошла бы я, чтобы только продлить это видѣніе, или еще разъ увидѣть его. Я не замѣчала, что слезы ручьемъ лились на мои сложенные руки и на святое изображение. Но то не были слезы и отчаянія. Я готова бы всю жизнь плакать такими слезами, омывающими и очищающими мою грѣшную душу. Долго ли продолжалось это видѣніе — не знаю. Мужъ, вѣроятно, замѣтивъ что нибудь особенное въ моемъ лицѣ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Пойдемъ, съвознякъ, простудишься, переутомишься. Я взглянула на него и попросила оставить меня и отойти, но видѣніе уже исчезло. — Тутъ только я сознательно заплакала благодарными слезами. Тогда подошелъ мой мужъ и казая, чтобы взять меня и донести до экипажа: „Постой говорю, сама поднимусь и тутъ только вспомнила, что у меня были непрерывныя, сильныя боли. Но боли какъ ни бывало — осталась только сильная слабость. Поднялась я съ помощью мужа и тихо двинулась къ выходу, слегка покачиваясь и прислушиваясь, не повторится ли боль, которую я не чувствовала въ настоящее время. По сторонамъ шли мужъ и казакъ, готовые подхватить меня въ случаѣ паденія, видимо, не понимая что такое случилось: внесли почти трупъ, а выходить живой человѣкъ. Такъ прошла я по церкви и вышла на паперть и поддерживаемая мужемъ, стала спускаться съ лѣстницы. Надо было только видѣть нашего кучера, когда я вышла изъ церкви. На него нашель столбнякъ: ротъ и глаза остались открытыми, вожжи выпали изъ рукъ. Я невольно улыбнулась. Мужъ кривнуль, чтобы онъ подавалъ, и только тогда онъ опомнился, но всю дорогу искосо поглядывалъ на меня то испуганно, то радостно. Теперь я уже сама сидѣла, но все таки меня охраняли съ обѣихъ сторонъ. Когда мы вѣхали во дворъ нашей квартиры,

то увидѣли нѣсколько человѣкъ нашихъ людей, ожидавшихъ возвращенія. На крыльцѣ стояла няня и хозяйка, ожидая меня. Всѣ они были поражены и не вѣрили, кажется, своимъ глазамъ. Послѣ долгихъ мучительныхъ мѣсяцевъ, я въ первый разъ пила чай съ семьей. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но болѣзнь моя не повторялась. Пусть же невѣрующіе скажутъ, что чудесъ нѣтъ, что Всемилостивый и Всевидающій Господь нашъ не видитъ и не слышитъ нашихъ слезъ и моленій. До настоящаго времени я горячо и сердечно благодарю моего Господа за ниспосланное мнѣ тогда испытаніе для очищенія моей грѣшной души. Онь, Всеблагій, и милуетъ и наказываетъ насъ любя, подготавливая для перехода въ будущій и невѣдомый намъ міръ вѣчной жизни. Да будетъ Имя Его благословенно и препрославлено во вѣки!

А. П. К.

Проповѣдь безъ подготовки.

Безпощадная характеристика такой проповѣди дается въ Псков. Епарх. Вѣдомостяхъ.

„Есть одинъ непростительный, кощунственный видъ болтавни—это безсодержательная церковная проповѣдь, не дающая ничего уму и сердцу слушателей. Такія проповѣди у насъ раздаются въ большинствѣ храмовъ. Во многихъ церквяхъ безсодержательныя поученія говорятся за каждую службу, дѣлаясь какъ бы составною частью богослуженія. Проповѣдники къ подобнымъ поученіямъ не готовятся и произносятъ обыкновенно ихъ экспромтомъ. Сказать проповѣдь, по мнѣнію большинства нашихъ нынѣшнихъ церковныхъ ораторовъ, не составляетъ ни малѣйшаго труда. „Да я хоть день буду вамъ говорить безъ подготовки и на любую тему“,—какъ-то въ бесѣдѣ высказался одинъ словоохотливый батюшка. Ему повѣрили. Ему необходимо было повѣрить, не рискуя въ противномъ случаѣ подвергнуть испытанію свое собственное терпѣніе.

Подобные проповѣдники, конечно, бичъ для церковной аудиторіи. Ихъ тягучая, безсодержательная, часто монотонная проповѣдь что иное можетъ навѣять на слушателей, кромѣ желанія скорѣйшаго прекращенія нудной пытки?! Они болтаютъ, воображая, что говорятъ проповѣдь.

Богомольцы съ тупымъ равнодушіемъ смотрятъ въ куполь храма, а импровизаторъ, не стѣсняясь, говоритъ. Посѣтители храма до слезъ раздираютъ и крестятъ себѣ рты, а импровизаторъ говоритъ. Отъ беспорядочной импровизаторской болтави, тѣсня въ дверяхъ одинъ другого, бѣгутъ, а импровизаторъ говоритъ.

Скажите такому проповѣднику: „слушайте, дорогой, кощунственно говорить безъ подготовки. Кромѣ набора трескучихъ, непроизводящихъ впечатлѣнія фразъ, ничего не получается. Гени слова рождаются вѣками. Ни одинъ художникъ не будетъ мазать безъ разбора па полотнѣ красками. Лучшія ораторы и древняго, и средняго, и новаго міра мучительно долго работали надъ своими рѣчами“. Скажите, и вы увидите брошенный на васъ съ сожалѣніемъ взглядъ, что вы плохой цѣнитель истиннаго искусства“.

Да, удивительный у насъ установился взглядъ на дѣло проповѣди. Думаютъ, что *безжизненная*, не рожденная *съ болью сердца* мысль проповѣдника способна повліять на слушателей. Не готовятся къ проповѣди потому, что именно такъ думаютъ. Первостепенную важность въ дѣлѣ проповѣди у насъ отводятъ тому, чтобы только отбыть номеръ и сказать, а не тому, *о чемъ сказать, какъ сказать, кому сказать!*?

А думать такъ о проповѣдничествѣ—это значить и себя не уважать и смѣяться надъ слушателями и кощунствовать въ святомъ мѣстѣ. Вѣдь, сказать проповѣдь это значить: *обдуманно и послѣдовательно* или нарисовать предъ слушателями

картину извѣстнаго событія, или взглядъ по существу затрагиваемой темы. И этого еще, конечно, недостаточно. Свои мысли необходимо облечь въ форму такихъ выраженій, которыя были бы не только доступны пониманію слушателей, но и убѣждая ихъ умъ, дѣйствовали-бы на сердце.

Очевидно, такую проповѣдь сказать не легко! Ее нужно выстрадать. Одна выстраданная сердцемъ проповѣдь произведетъ на слушателей несравненно большее впечатлѣніе, чѣмъ болтливыя ипровизаціи въ продолженіе цѣлаго года.

Каждая тема, какъ бы она ни казалась проста, требуетъ для своего раскрытія подготовки даже и отъ опытнаго проповѣдника. Сказать просто кратко и понятно, пожалуй, труднѣе, чѣмъ научно обосновать кое-либо положеніе. Говорить для простецовъ труднѣе, чѣмъ для людей развитыхъ. Образованный человѣкъ пойметъ и плохо сформулированную мысль, а простецъ требуетъ, прежде всего, яснаго изложенія рѣчи.

Мы не имѣемъ права обижаться на то, что наша современная проповѣдь для слушателей — мѣдь звенящая и куваль бряцающій. Такъ будетъ продолжаться и впредь, пока мы не измѣнимъ своего взгляда на дѣло проповѣди. Нужно помнить, что проповѣдничество не ремесло, а *творчество, искусство* ... Проповѣдывать — значитъ служить искусству. Служить же искусству безъ вдохновенія — это значитъ ниспровергать искусство на степень простого ремесла.

Извѣстный проповѣдникъ протоіерей Родіонъ Путятинъ въ своемъ дневникѣ, недавно изданномъ Архіепископомъ Евдокимомъ, говоритъ: „надобно такъ цисать (проповѣдь), чтобы написанное всегда нравилось, интересовало. По себѣ суди, съ себя бери примѣръ. Если для тебя не нужно, если тебя не интересуетъ, то зачѣмъ объ этомъ и

говорить. Сейчас прочиталъ я проповѣдь Филарета. Какъ хороша она! Она не написана, а сотворена. Да, проповѣдь — твореніе. Проповѣдничество — творчество“.

А вотъ что о современной проповѣди говорилъ самъ Архіепископъ Евдокимъ. „У насъ получается проповѣдь, отрешенная отъ дѣйствительной жизни, чуждая современныхъ запросовъ людей, не знающая ни ихъ скорбей, ни радостей, ни паденій ни возстаній, не говорящая ничего ничьему сердцу. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это проповѣдь? Вѣдь, *это пустое разлапольтвованіе*, при томъ внѣ времени и пространства. Развѣ Христось Спаситель такъ проповѣдывалъ? Развѣ св. Апостолы такъ вѣщали правду Божію живымъ людямъ? А великія отцы Церкви развѣ вращались только въ области отвлеченныхъ христіанскихъ истинъ? Не они-ли въ своихъ проповѣдяхъ говорили о недугахъ даже царей и царицъ, а не только современнаго имъ общества? Что правды въ нашихъ проповѣдяхъ мало, кто этого не знаетъ? Вотъ отзывъ о нашихъ проповѣдяхъ одного свѣтскаго глубокопросвѣщеннаго человѣка.

„Довольно, довольно счастливыхъ оборотовъ, слащавой риторики, избитыхъ схоластическихъ фразъ, побольше правды, настоящей подлинной правды, отъ которой бы не укрылось лицемѣріе, охреняющее страшную безнравственность, ложь, прячущая за громкими фразами, нравственное усыпленіе, прикрывающееся пожертвованіемъ колоколовъ и свѣчей, внѣшнее благолѣпіе при внутренней мерзости...“ („По церковно-обществ. вопр.“ Архіеп. Евдокимъ. 1914 г. стр. 137—139).

Вотъ слова правды, надъ которыми современные проповѣдники должны подумать.

(Рижскія Еп. Вѣд.).

Письма изъ дѣйствующей арміи.

Письмо уч. VII кл. Е. О.

Здравствуйте, многоуважаемая Елизавета Іоанновна! Первымъ долгомъ шлю низжайшее почтеніе и желаю отъ Бога добраго здоровья и успѣшнаго окончанія курса, а затѣмъ поступить учительницей на служеніе и пользу народу. Опишу я вамъ въ этомъ письмѣ, какъ встрѣтилъ праздникъ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Какъ разъ мы были въ это время въ лѣсу, отъ позиціи версты $1\frac{1}{2}$ и вотъ пришлось быть на богослуженіи въ великій четвергъ въ походной церкви, состоящей изъ елокъ и усыпанной пескомъ, а больше ничего не было. Затѣмъ, намъ наканунѣ праздника выдали по куску кулича, колбасы, ветчины, сыру, по два яйца, словомъ всего понемногу, а потомъ мы пошли къ заутрини, а когда все кончилось, мы пошли въ землянки и стали разговляться и все говорили, что, Слава Богу, что Господь привелъ встрѣтить этотъ великій праздникъ и весь день проводили въ радости, а вечеромъ выступили на позиціи, а передъ этимъ стали выдавать еще подарки изъ поселка и мнѣ тутъ многое досталось. Послѣ раздачи, каждый солдатъ съ узломъ въ рукахъ пошелъ на позиціи, но боя не было. Въ станѣ непріятеля все было тихо. Стрѣльба прекратилась и слышно было, какъ въ непріятельскомъ лагерѣ играли на гармоніи и скрипкѣ и поютъ пѣсни, ну и мы, конечно, не стали на нихъ смотрѣть, а сами занялись пѣніемъ. Вотъ какъ мы провели Свѣтлое Христово Воскресеніе! Извиняюсь, Елизавета Іоанновна, что мало и плохо написалъ, какъ умѣю, да и время много свободнаго нѣтъ. Остаюсь уважающій Васъ Ѳеодоръ Петровичъ Фарафоновъ. Жду съ нетерпѣніемъ отъ васъ отвѣта.

Письмо воспитанницѣ VII кл. А. А.

Здравствуйте, дорогая, во Христѣ сестрица! Спѣшу сообщить Вамъ, что я, пока по милости Всевышняго Создателя, еще живъ и здоровъ, о томъ же и за васъ молю Господа. Затѣмъ шлю вамъ самыя лучшія, отъ души искреннѣйшія пожеланія, да бы далъ Богъ Вамъ блестящіе успѣхи въ дѣлахъ рукъ вашихъ.

Спѣшу сообщить Вамъ о томъ, какъ намъ здѣсь живетъ. Да, любезная сестрица! Вы далеко отъ этой картины, поэтому немудрено, что вы интересуетесь ею. Мы здѣсь сами удивляемся своимъ, такъ сказать, желѣзнымъ русскимъ нервамъ. Вонервыхъ, здѣсь стоитъ все время невылазная грязь и стужа; въ окопахъ тоже грязь и вода, такъ что ни сѣсть, ни лечь невозможно и ревматизмъ развивается съ невыразимой быстротой, но это намъ вичодемъ. Вовторыхъ, каждый день насъ окружаютъ тысячи смертей, жужжащихъ пуль, но велика Господня сила, пока и до сихъ поръ, я остаюсь невредимъ. Когда идешь впередъ, то, или ужъ мы привыкли, или ужъ такъ Богъ даетъ, но только насъ охватываетъ чувство неизъяснимой сладости. Пули свистятъ и справа, и слѣва, и подъ ноги, и черезъ голову, а ты бѣжишь все впередъ и впередъ, какъ бы ни въ чемъ ни бывало. Смотришь товарищъ свалился, чтожъ, знать его очередь пришла... Пули страхъ не наводятъ, но орудійные снаряды представляютъ ужасное зрѣлище. Отъ этого вещества, какъ бы содрагается вся вселенная, вѣдь, подумайте, одинъ снарядъ дѣлаетъ яму въ аршинъ 12 поперекъ и аршинъ 5 въ глубину. Вотъ это поистинѣ страшное зрѣлище! Одинъ Богъ даетъ намъ силу переносить всѣ ужасы войны! Но всего пояснить въ письмѣ, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, невозможно. Пока пожелаю вамъ всего наилучшаго, остаюсь живъ и здоровъ рядовой солдатъ Михаилъ Мураковъ.

Письмо воспитанницѣ VII кл. А. Ш.

Германскій фронтъ окопы 1915 г. Марта дня 29.

Воистину Воскресе!

Добрая, шлю вамъ русское спасибо за пасхальный подарокъ, а также за вашу о насъ, страдальцахъ, память и за ваше, хотя и духомъ, участіе въ русской могучей арміи. Здѣсь, на позиціяхъ, въ разгарѣ боя, вы женщины проявляете чудеса храбрости и открываете свое доброе русское сердце, ухаживая за ранеными больнымъ. Надѣюсь, что по вашимъ молитвамъ, съ благодатію и помощію Божіею, безъ коей, по моему убѣжденію, немислимо перенести эти сверхчеловѣческіе страданія, мы поборемъ кровожадныхъ, безсердечныхъ враговъ, для которыхъ все еще мало про-

лито челоуѣческой крови, для которыхъ мало тѣхъ страданій, которыя переносятъ защитники родины, пусть же захлебнутся ненасытные этой кровью и страданіями... Будемъ надѣяться, что эти жертвы будутъ послѣдними для созданія всеобщаго мира. Еще разъ приношу вамъ глубокую благодарность, и пожелавъ Вамъ въ ученіи и во всекъ полнѣйшаго успѣха и счастья, остаюсь глубоко, глубоко благодарный Вашъ солдатъ 14 дивизіи, 56 Сибирскаго стрѣлковаго полка 7 роты Василій Никитичъ Каракозовъ. Еще разъ благодарю васъ за все, за все!

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Открывается подписка на серію изъ 12-ти книжекъ: **«Христіанскіе праздники»** подъ редакціей профессора Академіи М. Скабаллановича.

Книжка о каждомъ изъ великихъ (дванадцатыхъ) праздниковъ будетъ получена подписчиками къ этому празднику. Разсылка начнется съ праздника Рождества Пресв. Богородицы 1915 года и окончится Успеніемъ Богородицы 1916 года. Каждая книжка будетъ заключать: 1) подробный живой разсказъ о празднуемомъ событіи, основанный на Евангеліи, святоотеческихъ твореніяхъ и научныхъ пособіяхъ, съ описаніемъ связанныхъ съ событіемъ мѣстъ Палестины; 2) переводъ на русскій языкъ всей праздничной церковной службы съ объясненіемъ всѣхъ пѣснопѣній, 3) истолкованіе музыкальной стороны праздничной службы (что выражаетъ ея напѣвы и ихъ чередованіе); 4) исторію установленія и развитія праздника; 5) ноты для важнѣйшихъ пѣснопѣній праздника по особенно избраннымъ напѣвамъ. Каждая книжка займетъ *не менѣе* 3—4-хъ печатныхъ

листовъ (50—65 стр.), а все изданіе не менѣе 40—50 печатныхъ (до 800 стр.) листовъ.

Цѣна серіи изъ 12-ти книжекъ для подписавшихся до 1-го августа—2 руб.; послѣ этого срока цѣна всей серіи—3 руб. Для подписчиковъ журнала „Проповѣдническій Листокъ“ за всю серію по подпискѣ до 1-го августа—1 р. 50 к.

Изданіе настоящихъ книжекъ ставитъ себѣ цѣлью прийти на помощь каждому христіанину въ томъ, чтобы возможно достойнѣе провѣсти каждый праздникъ и чрезъ то получить всю ту пищу и пользу для сердца и ума, которую способенъ дать каждый праздникъ. Въ своихъ праздникахъ, открывающихся Рождествомъ Пресв. Богородицы и завершающихся Ея Успеніемъ, православная Церковь богослуженіемъ и обрядами заставляеть христіанъ переживать послѣдовательно всѣ важнѣйшіе акты, какъ бы стадіи совершеннаго Христомъ спасенія нашего. Изъ cadaго праздника, по мысли и намѣренію Церкви, христіанинъ долженъ выйти духовно обновленнымъ и ободреннымъ, очищеннымъ и просвѣтленнымъ, съ новымъ запасомъ силъ на добрую жизнь и духовное самосовершенствованіе. Эта высокая цѣль христіанскаго праздника будетъ достигнута въ-рующимъ только тогда, когда послѣдній будетъ живо и ярко представлять празднуемое событіе, а главное когда онъ съ полнымъ пониманіемъ прослушаетъ праздничную службу. А въ виду этого для cadaго слушателя нужно вскрыть иногда очень сокровенный и всегда очень глубокій смыслъ церковныхъ пѣснопѣній. О, если бы всѣ знали, какую глубину богословія заключаютъ эти пѣснопѣнія! Недаромъ нѣкоторыми знатоками высказывалась мысль, что православное богословіе можетъ исчерпываться однимъ богослуженіемъ, т. е. что въ богослуженіи нашемъ собрано и изложено рѣшительно все, что можетъ и долженъ думать о Богѣ и спасеніи всякій христіанинъ.

Послѣ всего сказаннато, есть ли надобность говорить еще особенно о томъ, насколько нужны и прямо необходимы пастырю предназначенныя къ изданію книжки, которыя правильнѣе было бы озаглавить: „Все о праздникахъ“? Бъ сказанному развѣ можно бы прибавить, что книжки эти дадутъ и достаточный, и необходимый, и, такъ сказать, неисчерпаемый матеріалъ для вѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ каждый праздникъ.

Адресъ: Кіевъ, Редакція журнала „Проповѣдническаго Листка“.

Редакторъ ординарный профессоръ Кіевской Императорской духовной Академіи
М. Скабаллановичъ.

Издатель преподаватель Кіевской Духовной Семинаріи
А. Троицкій.

Содержаніе: Часть официальная.—Указы Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго.—Епархіальныя извѣстія.

Часть неофициальная.—Уроки отечественной войны 1914—15 г.г.,—Тоска по обряду.—У Святой Плащаницы.—Проповѣдь безъ подготовки.—Письма изъ дѣйствующей арміи.—Объявленіе.

За Редактора, протоіерей *К. Поповъ.*

Довв. ценз., г. Омскъ 1-го іюля 1915 года.

Цензоръ, протоіерей *Геодоръ Канарскій.*